КСЮША
РАЙСКАЯ
Ты видишь меня?
ВСЁ, ЧТО БЫЛО
БОЛЬЮ
СТАНЕТ ПРОСТО
СНОМ...
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Ксюша Райская

Ты видишь меня?

«Автор»

2026

Райская К.

Ты видишь меня? / К. Райская — «Автор», 2026

Тим:«Я боялся, что однажды она проснётся и поймёт: это всё ошибка. Что ей не место рядом со мной.»Тим Дюран — визажист-стилист, привыкший к роскоши и глянцу. Он тонко чувствует людей и видит всё, что скрыто под их масками. Но никто не знает, что под его собственной маской весельчака и хитрого лиса прячется горе и неразделённая любовь. Внезапно в его жизнь — и в жизнь его брата-близнеца Тома — врывается шторм - рокерша, которая наводит шуму похлеще любого рок-фестиваля.Ира Гроза, солистка своей группы, мечтает о признании «Storm» и лучшей жизни для мамы. Получив заветное приглашение на прослушивание в Париже, она сталкивается с трудностями, которые приводят её к близнецам — в их мир она совершенно не вписывается. Сможет ли девушка отпустить прошлое и шагнуть вперёд?В романе есть:– фиктивный брак;– от ненависти до любви;– тайны прошлого;– атмосфера Парижа;– американские горки эмоций.Книга входит во Вселенную «Шепот Чувств». Так же читайте «Ты слышишь меня?»

© Райская К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 25
Глава 4 35
Гл 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Ксюша Райская
Ты видишь меня?

Глава 1

По причине сбоев дистрибьютера, треки не успели попасть на площадки. Поэтому, с выложенными главами, пока что, буду выкладывать свои треки на тг канал: https://t.me/ParadiseBooksWithKsusha

Как только треки попадут на площадки, информацию, написанную выше изменю.

Предупреждения:

Дорогой читатель! В этой книге есть темы, которые могут быть для кого-то триггерными. Пожалуйста, ознакомьтесь со списком, прежде чем читать.

Хочу сказать, что все темы, затронутые в книге, были написаны исключительно с целью показать, как может быть и как можно справиться с той или иной ситуацией. Берегите себя!

Темы:

1. Потеря родного человека;
2. Сцена избиения.

Elvis Presley — Jailhouse Rock

Тим

Телефон в руке нагрелся и вибрировал.

Пятый звонок или десятый, я сбился со счёта где-то на третьем.

— Да. — Заскрипел собственный голос, словно я спал неделю, а не… сколько там времени?

Я приоткрыл один глаз, чтоб посмотреть на настенные часы. Свет из окна резанул по сетчатке с такой беспощадностью, что я зажмурился обратно.

— Тим, твою мать, сколько можно тебе звонить?!

Голос Тома — «приятное» дополнение в восемь утра.

Я перевернулся на спину, чувствуя, как в висках пульсировала вчерашняя ночь.

— И твою мать, между прочим, тоже. — Прохрипел я в трубку.

— Хорош паясничать. — Сквозь зубы процедил брат.

Я хмыкнул.

В комнате пахло вчерашним весельем.

Нет, погодите, не так.

В комнате пахло позавчерашним, смешавшимся со вчерашним весельем, и всё это было щедро приправлено чем-то цветочно-цитрусовым — кажется, чьи-то духи остались на подушке, вперемешку с моими.

Чьи — я, разумеется, не помнил.

Я вообще много чего не помнил из вчерашнего вечера, и это было нормально.

Московский бомонд, частная вечеринка в баре, шампанское, потом виски, потом ещё что-то, что наливали в высокие бокалы и поджигали. Кажется, я танцевал на барной стойке. Или это был стол.

Или это был не я.

Стоп. А где мои штаны и боксеры?

Я скосил глаза вниз, потом очень медленно поднял наверх, чтоб не улететь в стратосферу.

Штаны обнаружились на люстре. Как они туда попали — отдельный жанр драматургии, который я решил не исследовать в ближайшее время, а боксеры оказались на полу у кровати.

— У меня голова сейчас лопнет, — сообщил я Тому доверительно, как будто это могло его разжалобить. — Это, знаешь, когда внутри нудный оркестр, а дирижёр настоящий псих.

— Мне плевать на твой оркестр. У нас съёмки через три часа.

Три часа…

Я, заставляя мозг сработать на полную катушку, мысленно пересчитал время: душ — тридцать минут, если не усну в процессе. Кофе — обязательно, иначе я не смогу отличить тушь от консилера. Одежда — ну, что-нибудь найдётся, я же Тим, в конце концов.

— Через три часа — это почти вечность, — философски заметил я. — За три часа можно переплыть Босфор, тем самым попасть из Европы в Азию или наоборот. Это как пойдёт. А ещё написать сонет и дважды развестись.

— Ты не переплывал Босфор и не писал сонеты. Собирайся.

— Я тебя ненавижу, но люблю. Ты в курсе?

— Взаимно. Кофе выпей и закуси жвачкой. От тебя несёт перегаром через трубку.

Хмыкнув, я нажал отбой и кинул телефон на кровать. Он тут же ожил — Том скинул адрес студии, время и короткое: «Не опоздай».

Я никогда не опаздывал. Это часть моего имиджа — быть лёгким, порхающим по жизни мотыльком, который никогда не знал где окажется через минуту.

Но, каким-то чудом, всегда оказывался там, где нужно.

На самом деле я чертовски пунктуален.

Это моя фишка.

Подъём с кровати оказался медленным и мучительным, как подъём затонувшего корабля со дна Марианской впадины.

Сначала я свесил одну ногу — подождал, пока мир перестанет качаться. Потом вторую. Выпрямился, держась за спинку кровати. Сделал осторожный шаг, подхватывая пальцами ног боксеры и каким-то чудом умудрился не шлепнуться. Штаны на люстре качнулись, и я проводил их долгим, задумчивым взглядом, медленно идя в ванну.

Определённо, вчера было весело.

Зеркало в ванной было безжалостно ко мне.

Из отражения смотрел помятый тип с красно-голубыми глазами, всклокоченными длинными волосами с косичками и печатью от подушки на щеке. Я наклонился ближе, изучая масштабы бедствия.

Мешки под глазами — есть. Лёгкая припухлость — имеется. Общее выражение лица «привет похмелье» — в наличии.

Что ж, бывало и хуже.

После той ночи в Париже, когда мы с Томом поспорили, кто выпьет больше кальвадоса шестилетней выдержки, я выглядел как Голлум, который провёл неделю в подземелье без еды и воды. Последствия были для нас обоих интересными.

Я включил воду и сунул голову под холодную струю над раковиной. Мозг взвизгнул и через три секунды начал подавать признаки жизни.

Выпрямившись, посмотрел еще раз в отражение. Я чувствовал как по загорелым груди и спине скатывалась вода с волос.

Кофе. Мне нужен кофе. И очень много.

Самый крепкий, какой только можно сварить в этой чёртовой кофемашине, которую я купил специально для московской квартиры.

Пока агрегат гудел и плевался паром, я прислонился лбом к прохладному окну и прикрыл глаза.

В голове уже играла музыка — не та, что играла вчера в клубе, а какая-то своя, внутренняя. Иногда мне казалось, что я слышу её постоянно, как будто внутри встроен проигрыватель, который никак не выключался. И под разное настроение была своя мелодия. В детстве это раздражало.

Но сейчас — спасало.

Кофе был готов. Я сделал глоток и жизнь начала медленно возвращаться в тело.

Мои сборы всегда были ленивыми и ритуальными. На автомате.

Я никогда не суетился и не бегал как ошпаренный, делая всё плавно, как большой ленивый кот, который знал, что мир подождёт.

Сначала — душ.

Волосы привычно уложил в тимовский беспорядок с кульком на затылке.

Одежда: свободные чёрные брюки, белая футболка оверзайз и тонкий чёрный пиджак без рукавов и пуговиц. На пальцах, как всегда, много колец и цепочка на шее.

Ничего кричащего.

Последний глоток кофе. Телефон в карман. Ключи, небольшой кожаный чемоданчик-кейс на плечо. Сигареты.

Да, курить вредно, но после такой ночи без никотина я просто не вывезу.

Я вышел из квартиры, запер дверь и на секунду задержался в тишине подъезда, посмотрев на запястье, где красовались любимые часы на металлическом ремешке.

Успеваю.

Том скинул детали в мессенджер: студия в центре, съёмка для какого-то нового проекта. Подробностей он не дал.

Как всегда.

Том вообще не любил ничего уточнять, считая, что «на месте разберёмся». Но по его тону я понял: что-то необычное.

Ладно, братец. Давай посмотрим, что ты там накопал.

Я медленно прогулялся по лестнице, вышел на московскую улицу, залитую утренним солнцем, и на секунду зажмурился.

Надев узкие солнечные очки и закурив, я выдохнул дым в голубое небо, и поймал себя на том, что улыбаюсь. Похмелье, недосып, звонок брата-глыбы — веселуха еще та, но все равно вдохновляющая. В этом была своя атмосфера.

Главное сегодня не увидеть её. Сегодня я не в состоянии играть роль.

На московских улицах стояло теплое начало осени. Как его называют — бабье лето.

Я шёл пешком, потому что после вчерашнего, организм требовал движения и кислорода. Солнце било в глаза даже сквозь тёмные узкие очки, и я мысленно пообещал себе, что сегодня — только работа, никакого алкоголя.

И вообще, может, пора завязывать с этим гедонизмом? Лет до девяноста.

Или до следующей пятницы.

Вообще, гедонизм — это девиз всей моей жизни, и я очень старался ему следовать. Только средства надо бы поменять.

Решив, что достаточно размялся, я сел на автобус и прижался лбом к стеклу, наблюдая за городом, который никогда не спит. Листья уже кое-где начали желтеть и навевали меланхоличное настроение.

Студия, которую скинул Том, оказалась в бывшем заводском цехе. Высокие потолки, кирпичные стены, огромные окна со стальными рамами. Я такое любил — индустриальный стиль, грубые фактуры, много воздуха и света. В таких пространствах рождались лучшие кадры, и Том это знал. Брат всегда выбирал локации с безупречным вкусом. В этом мы были похожи.

Я сверился с информацией от Тома и проследовал к лифту, что должен был отвезти меня на третий этаж здания, где и должна была пройти съемка.

Подойдя к лифту и нажав на кнопку, я стал разглядывать здание, поправив ремень от кейса на плече.

Когда лифт подъехал, я раздвинул двери и зашел в сетчатый подъемник.

Только я стал закрывать двери, на меня налетела белая макушка, что едва доставала мне до шеи. Следом, я почувствовал влагу на своей груди и увидел как макушка откидывается назад и превращается в два больших глаза, что смотрят на меня во всю ширь.

— Ты что, совсем охренел?! — выпалила она, даже не успев толком отдышаться. Голос у нее был звонкий, но с хрипотцой, которая выдавала либо простуду, либо крайнюю степень возмущения. — Ты не видел, что чуть не прищемил мне нос дверью? По сторонам вообще не смотришь?

Я посмотрел вниз. На моей белоснежной футболке расползалось безобразное коричневое пятно, которое уже успело впитаться в ткань, а с пиджака мерзкими каплями стекало на пол. В воздухе резко запахло дешевым растворимым кофе.

— Я? — я приподнял бровь, чувствуя, как внутри закипало раздражение. — Разве это я налетел на тебя, пигалица? Или это ты неслась по коридору, как будто за тобой гнались все демоны этого завода?

— Не называй меня пигалицей, придурок! — она вспыхнула. Темные глаза сузились, и в них заплескалась такая лютая ненависть, что я на секунду опешил. — И я не неслась! Я спешила, потому что такой важный господин не мог подождать лишнюю секунду!

— Важный господин, — усмехнулся я, стряхивая капли. — Это ты сейчас про меня? Слушай, если тебя наняли на съемку, чтобы ты разносила кофе, то, может, стоило сначала научиться держать стакан ровно?

Она посмотрела на меня так, будто хотела испепелить взглядом. Я заметил, как ее маленькие кулачки сжались, а на щеках выступил румянец от злости. Она была похожа на рассерженного воробья, который пытался напугать коршуна.

— Я не разношу кофе! — процедила она сквозь зубы. — И это кофе было для меня, петух! А теперь я осталась без него, потому что ты, повторюсь, не умеешь смотреть по сторонам!

Я хотел было сказать что-то резкое в ответ, но вдруг поймал себя на странном чувстве. Злость и раздражение куда-то ушли, уступив место легкой забаве. Она была такой маленькой и взбешенной. В ней бушевало столько энергии, что, казалось, еще немного — и она взорвется. Это было забавно. Даже пятно на футболке перестало казаться трагедией.

— Петух? — я усмехнулся, качая головой и закрывая двери. — Как оригинально.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но лифт дернулся и поехал. Свет мигнул, и в тесной сетчатой кабине стало тихо. Только гудение мотора и ее прерывистое дыхание.

Она что-то тихо пробормотала, отворачиваясь и скрестила руки на груди.

Я посмотрел на ее вздернутый нос и растрепавшиеся светлые волосы с цветными прядями и хмыкнул.

Кабинка остановилась и я, пытаясь не дотрагиваться до нее, открыл дверь.

Снаружи уже кипела жизнь. Ассистенты бегали с реквизитом, осветители колдовали над софитами, в углу пил кофе знакомый звукорежиссёр (не знаю зачем он тут нужен, но ладно). Пахло пылью, краской и свежесваренным эспрессо.

Я, зачем то, повернулся назад и увидел, что пигалицы нет.

Хмм… странно…

Пожав плечами, я прошёл через весь этот хаос, попутно здороваясь со знакомыми, и нашёл Тома в дальней части цеха, у большого окна.

Он стоял боком ко мне, скрестив руки на груди, и что-то обсуждал с администратором.

Судя по тому, как девушка кивала, Том в своём репертуаре: тихий, спокойный, непреклонный. Он что-то ей объяснял. Я подошёл сзади и хлопнул его по плечу.

— Привет, недомалфой. Выглядишь прекрасно. Ненавижу тебя.

Том обернулся, смерил меня взглядом, и на его лице промелькнуло что-то похожее на улыбку.

То есть, обычный человек даже не заметил бы. Но я — брат-близнец и считываю его микро-эмоции как открытую книгу. Каждый раз.

— Ты опоздал. И что с футболкой?

Я посмотрел на часы.

— На четыре минуты. Ты засекал, что ли? А это, — я поддел двумя пальцами футболку, отодвигая ее от тела, — последствия хреновой работы отдела кадров и причина моего опоздания.

Том вопросительно посмотрел на меня.

— Не важно. — Отмахнулся я.

Администратор деликатно исчезла, оставив нас вдвоём. Том ещё раз придирчиво и оценивающе оглядел меня и, видимо, остался почти доволен. По крайней мере, никаких замечаний не последовало больше. Значит, мой экспресс-метод «воскрешение мотылька после попойки за час» сработал.

— Что за съёмка? — спросил я, оглядывая цех. — Ты так толком ничего не рассказал.

— Проект для одного музыкального журнала. Плюс портфолио для рок-группы. Нужны постановочные кадры с моделью и живым музыкантом. Контраст гламура и гранжа, энергия рока и шика, всё такое...

— Рок? — я присвистнул. — С каких пор ты в роке?

— С тех пор как заказчик платит, — пожал плечами Том. — Кроме того, это интересно. Свет, тени, агрессия и дым. Можно поиграться.

— Ооо. Я люблю поиграть.

Я ухмыльнулся, уже прикидывая в голове образы.

Для рок-эстетики нужно что-то резкое, графичное, но без клюквы. Никаких кожаных штанов и цепей а-ля «я только что с хэви-метал фестиваля 1985 года». Скорее, современный гранж: небрежная многослойность, приглушённые тона, акцент на глаза. Да, я видел это.

— Ладно, кто у нас модель? — Я опустил с глухим стуком свой рабочий кейс с косметикой и начал выкладывать кисти. — Только не говори, что очередные фифы с губами-уточками. У меня сегодня нет настроения на них.

— Модель — не фифа, — спокойно ответил Том, не оборачиваясь. — *Она,* кстати, тоже здесь.

Чёрт.

Я стал озираться по сторонам и на другом конце помещения увидел свою диву.

Герда стояла как лань. Я поправил выбившуюся косу из прически и повернулся к Тому.

— Ты эльфийское горе. — Усмехнулся придурок.

— Заткнись. — Буркнул я, не смотря в его сторону.

— Тебе надо переключиться на кого-то другого. — Тоном эксперта сказал Том.

— Чья бы корова мычала. Как там поживает Ева? — с усмешкой спросил я, скрадывая руки на груди.

— Отвали. Между нами все кончено.

— Печалька. Она мне почти нравилась. — Хмыкнул я.

Я повернулся и посмотрел, как Герда шла через цех. Такая вся легкая, стремительная, с полуулыбкой, от которой у меня внутри все переворачивалось каждый раз, когда она смотрела в мою сторону. На ней было простое синее платье, волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались светлые пряди, обрамляя лицо. Никакого макияжа, кроме бальзама для губ. Она выглядела так, будто только что проснулась и при этом была прекраснее всех моделей, которых я когда-либо красил.

Чёрт.

Я отвернулся и сделал вид, что очень занят раскладыванием кистей.

Том был прав.

Нужно уже переключаться.

Он всегда был прав, и это бесило меня больше всего.

Я знал Герду с того дня, когда она, никому не известная девчонка с глазами цвета глубокого моря, пришла на кастинг и перевернула всё. Тогда я ещё не понимал, что именно произошло. Думал — просто ещё одна красивая мордашка, каких сотни. Но она открыла рот, заговорила, засмеялась — и я пропал.

Я старался не показывать вида. Да и она ничего не замечала, отдав все мысли своему делу и любимому принцу.

Я не страдал бессонницей, не писал стихов, не представлял нашу свадьбу. Мое отношение к ней было глубокое, тихое. Восхищение пополам с болью. Радость от того, что она существует, и горечь от того, что я никогда не смогу быть для неё тем, кем стал Филипп.

Я видел, как она смотрела на него. Ещё до того, как они сошлись, ещё до всех этих драм с глухотой и наследством, до Малого театра и песни.

Я видел этот взгляд. Так смотрят на того, кто стал твоим миром. И я знал, что на меня она так не посмотрела бы никогда.

Не потому что недостаточно хорош. А потому что я — Тим.

Друг, стилист, брат-близнец Тома — кто угодно, только не объект любви. И я принял это.

Но иногда, в такие моменты, как сейчас, когда она шла ко мне через этот пыльный цех, улыбаясь своей невероятной улыбкой, становилось трудно дышать.

— Тим! — Она подошла и чмокнула меня в щёку. — Ты выглядишь… — она присмотрелась к моему лицу, — …ужасно.

— Доброе утро, котёнок, — я улыбнулся, пряча всё, что чувствовал. — Ты как всегда знаешь, как поднять мне настроение.

— Это мой талант. — Она оглядела мой кейс, разложенные кисти, потом снова меня. — Том сказал, у нас сегодня рок-звезда на съёмках. Я уже предвкушаю. — Она нахмурилась. — А что за пятно?

— Рок-звезда — это громко сказано, — раздался громкий голос сзади.

Я обернулся.

В дверях стояла та самая девушка из лифта и с кофе. Теперь в ее руках был новый стаканчик, из которого она сделала глоток и стрельнула в меня мимолетным взглядом.

Тут я разглядел ее получше.

Пепельно-серебристые волосы мягкими волнами до плеч обрамляли лицо, и в прядях при движении проскальзывали лёгкие фиолетово-бирюзовые переливы. Они были едва заметны, как северное сияние, застывшее в волосах.

Она подошла ближе, и я заметил глубокий, выразительный карий взгляд, который толком не разглядел в полумраке лифта. Чётко очерченные брови, длинные ресницы и нюдовый оттенок на губах. Чёрный чокер с изящным плетёным узором обхватывал шею. На плечи накинута стильная красная косуха с потертостями. Чёрные джинсы с рваными дырками на коленях говорили о свободолюбивом нраве, а маленькая точка в носу довершала дерзкий образ.

Она стояла в метре от меня, перекинув через плечо чёрный гитарный кофр, на который я тоже ранее не обратил внимание, и оглядывала цех с таким видом, будто это она здесь главная, а все остальные — случайные прохожие.

Я моргнул.

— Это кто? — спросил я одними губами у Тома.

— Ира Гроза, — ответил он, даже не обернувшись. — Музыкант. Будет сниматься с Гердой.

— Гроза, значит, — пробормотал я, не в силах отвести взгляд от этого чуда.

Не ассистент, значит… — хмыкнул я про себя.

Она прошла мимо меня, ростом метр с кепкой, даже не взглянув, и направилась прямо к Тому. Я проводил глазами неспешную походку и от ее движения образовался ветерок.

От неё пахло едва уловимой смесью табака, кожи и чего-то очень знакомого, но я пока не мог понять чего именно. Странное сочетание, но почему-то к нему хотелось принюхаться ещё.

— Том, — сказала она с легкой хрипотцой и кивнула брату.

— Ира, — кивнул Том в ответ. — Это Тим. Будет твоим визажистом.

Она наконец повернулась ко мне.

И так, будто только сейчас заметила моё присутствие и не была уверена, стоит ли тратить на меня внимание.

Какова актриса. Браво.

Я сузил глаза.

Её глаза оценивающе прошлись по моему лицу, и я почувствовал себя экспонатом под микроскопом. Но, как только наши взгляды столкнулись, мне показалось, на долю секунды, что я увидел в ее…страх?

— Это он? — спросила она Тома, кивнув в мою сторону. — Выглядит так, будто вчера уснул в клубе, а проснулся сегодня под лавкой.

— Я вообще-то здесь, — ответил я, улыбаясь самой обаятельной из всех своих улыбок и подошел еще ближе. — Тим Дюран.

Ира посмотрела на мою протянутую руку. Потом снова на меня. Приподняла бровь, а моя рука так и осталась висеть в воздухе.

— Как группа, что ли? Я люблю Duran Duran.

Я закатил глаза и в пригласительном жесте показал на кресло.

— Пойдемте, ваше мадмуазельничество, в гримерку?

Она хмыкнула и села в кресло перед зеркалом с видом, будто оказывала мне величайшее одолжение.

Я переглянулся с Томом. Тот едва заметно покачал головой, мол: «Не ввязывайся», «Она тебя сожрёт», «Я тебя предупреждал».

Но я уже взял кисть, как брошенную перчатку.

— Ну что, Ира Гроза, — сказал я, наклоняясь к её лицу, — давай посмотрим, что можно сделать с этой... хм... интересной внешностью.

— Что значит «интересной»? — тут же ощетинилась она.

— Воспринимай как комплимент. — Отмахнулся я.

Она помолчала, переваривая.

— Ладно. Работай. Только без фанатизма. Или, может, хочешь еще порции кофеёчка?

— Без фанатизма — это не ко мне, — пробормотал я, уже прикидывая в голове образ и пропуская мимо ушей половину ее реплик. — У меня вообще всё с фанатизмом. И с фантазией. — Улыбнулся я шире. — Особенно когда передо мной сидит девушка с фиолетовыми прядями и серьгой в носу.

— Она тебе мешает?

— Нет. Она тебе идёт. Я бы даже сказал — она тебя определяет.

Она приподняла одну бровь.

Герда, сидевшая в соседнем кресле, поймала мой взгляд и подмигнула. Я чувствовал в этом жесте лёгкую подколку. Я улыбнулся и приступил к своей любимой работе.

Ну что ж. Кажется, день обещает быть интересным.

— Сиди ровно, Ира, а то стрелки будут как у пьяного енота.

— Ещё раз сравнишь меня с енотом — получишь гитарой по голове, — лениво, но с ощутимой угрозой отозвалась она.

— Ооо, инструмент не жалко?

— Лучше подумай о своей голове.

Она закатила глаза и откинулась в кресле, позволяя мне работать. Я стоял совсем близко и теперь лучше видел её лицо.

Острые скулы, немного упрямый подбородок, почти фарфоровая кожа под холодным светом ламп, и эти глаза: тёмные, большие, внимательные и… едва уловимо печальные.

Ира держалась колючкой, всем видом показывая, что ей плевать на съёмку, на нас и на весь этот модный цирк. И едва сдерживалась, как бы не затолкать мою же кисточку мне в глаз.

Но я замечал мелочи. То, что ей казалось, она очень хорошо скрывала.

Ира незаметно выпрямляла спину, когда Герда проходила мимо.

Девушка переживала и не хотела, чтобы кто-то это понял.

Когда я наклонялся очень близко и наши глаза встречались, ее взгляд опять становился испуганным на долю секунды и быстро уходил в сторону.

Странно…

Я осторожно провёл кистью по её веку, растушёвывая тёмный графитовый оттенок.

— Не дёргайся.

— Я не дёргаюсь.

— А я не про физиологию.

— А ты прям видишь, что у меня внутри? — Окрысилась она.

Я выгнул бровь, смотря ей в глаза.

— Я вижу, когда человек боится, строя из себя терминатора, — спокойно ответил я. Ее лицо было совсем близко с моим, и я видел любое изменение в мимике.

Она замолчала, насупившись.

Поймал.

Я ухмыльнулся и продолжил.

— Расскажи о своей группе. О чём поёте? — На пару секунд я задержался на ее глазах, в которых промелькнуло любопытство и сомнение.

— А тебе какое дело?

— Мне интересно.

Она помедлила и задумалась, но все же произнесла:

— Мы играем альтернативу, поп-панк, дарк-рок. Смешиваем стили. Это не то, что крутят по радио. Свои тексты, своя музыка. Я пишу в основном о злости, свободе, и людях, которые предают. О городах, которые душат и ночах, когда не можешь уснуть и смотришь в потолок.

— И о любви? — спросил я, переходя к глазам.

— Редко.

— Почему?

— Потому что любовь — это ложь, в которую все хотят верить. Я не пишу о том, во что не верю.

Я чуть не уронил кисть. Она сказала это так буднично, что я на секунду даже не нашёлся, что ответить. А потом подумал: вот оно.

Вот тот самый внутренний надлом, который я почувствовал в ней с первой секунды. Она не просто колючая. Она защищается. Вопрос: от чего?

— Знаешь, Ира, — я начал выводить стрелку, тонкую, идеально ровную, прислонив руку к ее лицу с косметическим спонжом, — я работаю в мире моды десять лет. Я видел сотни лиц: красил моделей, актрис, певиц, жён олигархов. И я научился видеть то, что люди прячут. — Я взял ее лицо за подбородок и чуть повернув, продолжил работу. — Ты можешь сколько угодно говорить, что не веришь в любовь. Но твои тексты — они ведь всё равно о ней. Даже если ты называешь это «злостью» или «свободой».

Она молчала. Я продолжил:

— Злость — это любовь, которую предали. Свобода — это любовь, в первую очередь, к себе, которую ты наконец-то разрешил. Так что ты всё равно о ней пишешь. Просто по касательной.

— Ты психолог, что ли? — спросила она, но без обычной агрессии. Скорее устало.

Я хмыкнул, смотря на ее недовольное лицо.

Для неё хотелось сделать что-то хищное. Не «рок-девочку», а настоящую бурю — будто она вышла не из гримёрки, а сигаретного дыма и перегруженных гитарных риффов. Чуть влажный блеск на губах, смазанный уголь по нижнему веку, тень усталости под глазами, превращённая в искусство. Фиолетовые пряди в волосах под светом вспыхивали ярче.

Красиво.

— Готово, — я отступил назад. — Можешь начинать разбивать сердца.

Ира медленно подняла взгляд на зеркало. На секунду её лицо изменилось — совсем чуть-чуть, будто она увидела себя со стороны и не ожидала, что может выглядеть вот такой: опасной и живой. Но момент исчез так быстро, что я почти решил, будто мне почудилось.

— Нормально, — буркнула она, поднимаясь.

— Нормально?! — я схватился за сердце. — Женщина, я сотворил искусство!

— Не зазнавайся, Дюран Дюран.

Я удивленно хлопал глазами.

— Воспринимай как комплимент. — Парировала она моими же словами и, не удостоив меня больше ни словом и взглядом, ушла к площадке.

Я смотрел ей вслед пару секунд, покачал головой и повернулся к Герде. Мир тут же снова стал мягче.

Она сидела в соседнем кресле, поджав под себя одну ногу и листала что-то в телефоне. Свет из огромных окон ложился на её лицо белыми полосами, цеплялся за светлые пряди у лица и путался в ресницах.

Господи, ну почему она всегда выглядит так, будто её специально придумали для того, чтобы усложнять мне жизнь?

— Котёнок? — привлек внимание я, становясь позади неё.

— Ходячее похмелье? — Усмехнулась она.

— Ты сегодня невероятно добра ко мне.

— Ты сегодня невероятно остроумный.

— Значит, всё как всегда, — она тихо рассмеялась, и этого было достаточно, чтобы внутри у меня снова все сдвинулось со своих мест.

Я начал распускать её волосы, укладывая несколько светлых прядей у лица. Эти волосы я трогал тысячу раз и столько же раз мечтал уткнуться в них лицом. Герда поймала мой взгляд в зеркале.

— Как ты?

— Живой. Частично. Том сегодня пытался убить меня взглядом за опоздание. — Я хмыкнул. — Как там мистер совершенство?

Её лицо изменилось мгновенно.

Вот оно.

Это мягкое выражение лица, которое появлялось только тогда, когда речь заходила о Филиппе. Я одновременно ненавидел и обожал это выражение.

— Хорошо, — тихо ответила она. — Очень. Пишет новую песню.

И улыбнулась так, будто внутри неё зажгли свет. Я отвёл взгляд к кистям.

Конечно хорошо.

У таких, как Филипп и Герда, иначе и быть не может. Они из тех историй, от которых у людей потом проблемы с реальностью, потому что после них всё кажется недостаточно идеальным.

— Он приедет сегодня? — спросил я максимально ровно.

— Возможно позже. У него репетиция.

— Передай ему, что я всё ещё красивее.

— Это вряд ли.

— Предательница. — Она рассмеялась снова, а я сделал вид, что полностью сосредоточен на хайлайтере. Хотя на самом деле сосредоточен я был на том, как свет касался её кожи, как она дышала, как улыбалась, как существовала, и как мне, идиоту, приходилось жить рядом с этим и делать вид, что всё нормально.

Съёмка началась спустя полчаса. Том, как всегда, превратился в спокойную и собранную машину по изготовлению снимков.

Он почти не повышал голос, не суетился, не командовал, просто двигался среди света и кабелей так, будто видел кадр ещё до того, как тот появлялся.

А кадры получались безумные. Девочки смотрелись вместе так, словно их специально придумали друг для друга.

Герда — тёплая, текучая, золотая: шёлк её платья переливался шампанским под светом ламп, длинные ноги сверкали в разрезе ткани, а волосы мягкими волнами падали на плечи, и вся она выглядела как роскошь, как дорогой парфюм или как джаз поздней ночью.

Ира рядом с ней была чистым электричеством.

Чёрная кожа, выданная стилистом, дырки на джинсах, тяжёлые ботинки, гитара в руках, грубые линии, тёмный взгляд, тонкие пальцы на струнах. Она сидела, развалившись на полу возле дивана и смотрела в объектив так, словно собиралась либо влюбить в себя, либо устроить драку.

И вместе они смотрелись удивительно...оригинально. Контраст не ломал кадр, а делал его живым: гламур и гранж, шёлк и кожа, дорогие украшения и искусственный дым, красота и дерзость. Том щёлкал затвор, вспыхивали импульсы света.

Рядом приглушенно играла музыка, создавая настроение.

Ира сначала держалась скованно, я видел это по плечам, рукам и взгляду. Она всё время будто ждала, что сделает что-то не так рядом с Гердой, которая перед камерой существовала абсолютно естественно.

Но Герда… Господи.

Она каким-то чудом умела делать рядом с собой людей спокойнее.

В какой-то момент она просто рассмеялась, поправляя Ире волосы, сказала что-то тихое ей на ухо — и напряжение исчезло. Ира хмыкнула, а спустя полчаса они уже сидели на полу возле усилителей, соприкасаясь плечами, и выглядели так, будто знакомы сто лет.

Том поймал этот кадр сразу, я понял по его выражению лица.

Свет скользил по их лицам, по волосам, металлу колец и струнам.

Две противоположности и почему-то идеальное сочетание. Я стоял у монитора и смотрел на Герду слишком долго.

Снова. Как всегда.

Том молча ткнул меня локтем в бок.

— Даже не начинай. — Я фыркнул и отвернулся, доставая сигареты.

К вечеру воздух стал тяжёлым от света, техники, кофе и человеческих голосов. Ассистенты уже собирали провода, музыка играла тише, кто-то смеялся возле кофемашины.

Герда уехала первой — Филипп всё-таки приехал за ней. Я увидел их только мельком, через стекло: он стоял возле машины в бежевом худи, а она смеялась, запрокинув голову, пока он смотрел на неё так внимательно, словно больше никого не существовало.

Я отвернулся раньше, чем внутри снова начало неприятно тянуть. Лучше не смотреть.

— А она крутая.

Я резко развернулся, уставившись на это маленькое недоразумение, подкравшееся ко мне.

— Не стану спорить.

— Я и не сомневалась. — Ира сощурилась. — Глупо спорить про человека, которого любишь.

Я почувствовал как внутри разгоралось раздражение.

— Какого чёрта ты вообще за мной следишь? — выпалил я раньше, чем успел заглушить в себе раздражение. — Делать нечего? Подвальная жизнь ждет. — Я указал ей на выход.

— Ожидаемая реакция, идиот. — Она практически выплюнула слова, и я кожей почувствовал, как воздух между нами стал колючим. — Выглядишь как петух и ведешь себя соответствующе.

— Да-да. Свободна, — отмахнулся я лениво, уже отворачиваясь, чтобы не видеть ее реакцию.

Когда я защёлкивал кейс с косметикой, Ира пронеслась мимо меня, оставляя после себя знакомый запах.

Кожаная красная косуха, на спине громоздкий кофр с гитарой. Вид у неё был не просто недружелюбный, а как будто она уже выбрала цель и ждала удобного момента.

И тут я наконец понял что это за запах.

Табак, грубая кожа, и этот тёплый аромат конфет «Ириска», который ни с чем не спутаешь. Из самого детства. Я вскинул голову и выкрикнул вдогонку:

— Пока, Ириска!

Она резко остановилась у выхода. Медленно обернулась и несколько секунд просто смотрела на меня этим своим тёмным взглядом, а потом молча, имитируя шкатулку, медленно прокрутила средний палец в кулаке.

Я усмехнулся.

Подхватив гитару поудобнее, она вылетела из здания в вечернюю Москву, хлопнув тяжёлой дверью так, что эхо пошло гулять по полупустому помещению.

Глава 2

Storm — Буря

Ира

Интересные мысли всегда приходят внезапно. Так, обычно, с самыми верные словами для песни.

Когда видишь человека впервые, он перед тобой как чистый лист. Ты не знаешь ни его характера, ни привычек, ни тембра голоса.

Ровным счетом — ничего.

Тебе неведомо его прошлое. Ты видишь только оболочку, за которой прячется целая вселенная. Можно взглянуть на угрюмое, нелюдимое лицо и даже не догадываться, что перед тобой — добрейшей души человек.

Кого же, спрашивается, я разглядела в Тиме?

Пфф…

— Грёбаный, мать его, петушара. И как таких земля носит?!

Я неслась со съёмочной площадки прочь — подальше от этого напыщенного индюка, от вылизанного гламура, запаха пудры и прилипшего чувства чужого превосходства.

Плотнее запахивая любимую красную кожанку — мамин подарок на восемнадцатилетие, выкроенный из её мизерной зарплаты, — я гнала от себя мысли о Тиме. Куртка уже потёрлась на рукавах, но ни на какую другую я её не сменила бы. Она была мне бронёй. Панцирем.

На улице по летнему еще тепло, однако вечерний ветер уже кусался, задувая в рукава и под воротник.

Москвадышала бензином, нагретым асфальтом и ощущением скорых дождей. Я сбежала по ступенькам в подземку — подальше от дневного шума.

Только бы от этой фотосессии был толк. Хоть какой-то…— подумала я, проходя через турникет.

Закинув гитарный кофр повыше на плечо — он вечно норовил сползти, — я двинулась к платформе.

Люди шли потоками. Кто с работы, кто по делам. Я вклинилась в этот поток, став его частью.

Поезд подошёл почти сразу. Я вошла в последний полупустой вагон, села в углу, зажав гитару между колен. За окном замелькали туннельные огни, и в их гипнотическом мелькании мысли потекли сами собой.

— Выглядишь как петух, — пробормотала я себе под нос, передразнивая собственные слова.

Он сам нарвался.

Высокомерный грубиян и слепой крот в одном флаконе.

Как можно было не заметить человека и чуть не зажать его между дверьми?

А эти его глаза и черные волосы…

Меня мысленно передернуло от отвращения и…нелепой ассоциации, которая вызывала колючий страх.

Эти глаза так похожи…

Но, если честно, сорвалась я не только из-за него. Он просто попал под горячую руку.

Раздражение копилось с самого утра: сначала проспала, потом сломалась кофемашина в любимом кафе у дома, а теперь ещё и съёмка с этим скользким типом, который смотрел на Герду так, будто она — его личная галактика.

Но тут и не поспоришь, она действительно очень красивая.

Вагон качнуло. Я прижала гитару плотнее. Туннельные огни замелькали чаще.

Напротив сидела девушка с маленькой непоседой-дочкой, которой никак не сиделось на месте, и мысли уносили меня дальше, туда, куда я редко себе позволяла уходить.

В детство.

Мама и бабушка вырастили меня вдвоём. Отец ушёл, когда я была настолько маленькой, что не запомнила даже его лица, — только смутный силуэт и звук громко хлопнувшей двери. Ни фотографий, ни писем, ни алиментов. Просто испарился, будто его и не было. Мама молчала о нём, а я особо и не расспрашивала.

Ей приходилось адски тяжело. Две работы: дворником в нашем же доме и швеёй на кожгалантерейной фабрике, где шили сумки, кошельки и ремни. Я помню запах кожи — он въедался в её руки, одежду и в мебель нашей крохотной квартирки. Помню, как она возвращалась — уставшая до прозрачности, с покрасневшими от иглы пальцами, — и всё равно находила в себе силы улыбнуться. «Ну что, кроха, как дела в школе?» — спрашивала она и садилась рядом, вдумчиво вглядываясь в мою домашку.

Пока мама пропадала на работе, со мной оставалась бабушка — женщина с железным характером и удивительно тёплыми ладонями. Это она гуляла со мной в соседнем детском саду, куда раньше мог зайти любой. Кормила гречневой кашей с молоком, водила в садик, потом в школу, а потом — на музыку. Она фактически заменила мне мать во всём бытовом: проверяла дневник, ходила на собрания, учила варить борщ, штопать колготки и вязать спицами.

«Ты у меня сильная, — говорила она, завязывая мне банты на первое сентября. — Сильная и красивая. Весь мир будет твой». Тогда я ей верила. Наверное, я верю в это и сейчас. Просто мир оказался куда сложнее, чем виделся в детстве.

Но мама, несмотря ни на что, успевала дарить свою любовь. В редкие выходные, когда у неё не было смен, мы ездили гулять по Москве: на ВДНХ, в парк Горького. У неё в кармане всегда лежали ириски — тягучие, любимые и пахнущие детством, — и мы шли, держась за руки, мимо фонтанов и памятников, и мама рассказывала, каким город был раньше, а я слушала и мечтала, что когда-нибудь куплю ей большой дом, и ей больше никуда не нужно будет бежать.

Поезд дёрнулся, останавливаясь на станции. Я моргнула, возвращаясь в реальность.

Кольцевая. Ещё две остановки до перехода, и я снова задумалась.

Когда мне было шестнадцать, бабушки не стало. Мы остались вдвоём с мамой — уже не ребёнок и взрослый, а два человека, пытающиеся выжить. Я устроилась подрабатывать и бросила музыкальную школу: мыла полы в магазинах, раздавала листовки у метро, работала консультантом в магазинах одежды, красила уличные заборчики.

В девятнадцать, экономя каждую копейку, купила свою первую гитару. Подержанная, но хорошая. Мама во всём меня поддерживала, и я благодарила ее за это безмерно. Музыка стала моим языком, на котором я могла высказать всё, что не умела произнести просто словами.

«Я не пишу о любви», — ляпнула я зачем-то стилисту.

Это правда. Но лишь отчасти. Потому что любовь — это не только про мужчину и женщину. По мне, так это вообще не про это. Любовь — когда твоя мать в шесть утра выходила мести двор, чтобы ты могла учиться музыке. Когда бабушка откладывала пенсию, чтобы купить тебе зимние сапоги. И когда я неслась через полгорода на съёмку, в которую не особо верила, и только потому, что где-то в глубине души теплился призрачный шанс: а вдруг всё не зря? И маме больше не придётся выживать — она наконец-то начнёт просто жить.

Поезд снова качнуло: «Осторожно, двери закрываются». Я спохватилась, увидев свою станцию, и, схватив гитару, пулей вылетела на платформу — двери закрылись сразу за спиной.

На меня посмотрела женщина на платформе, качая головой.

Поправив кофр с виноватым лицом, потому что чуть не сбила ее, я двинулась к переходу, размышляя о ребятах.

Что скажу им, когда приеду в студию? Мы репетируем сегодня вечером, после всей этой дневной суматохи.

Мак, скорее всего, снова опоздает. Димас будет сидеть в наушниках и делать вид, что настраивает аппаратуру. Джон, развалится на диване и станет до посинения крутить свои барабанные палки, пока я на него не прикрикну.

Мы соберёмся в нашей лофт-студии, я возьму в руки гитару — не ту, что таскаю по концертам, а свою боевую, с наклейкой «Гроза» на деке, — и всё встанет на свои места.

В студии я становилась собой, а здесь, в мире жестокости и пафоса, я всё время чувствовала себя чужой. Словно актриса в пьесе, которой выдали не тот текст, а она пытается импровизировать.

Этот Тим… он ведь смотрел на меня как на любопытный экспонат, и уж тем более не всерьёз. А потом переключился на Герду, и там уже был другой взгляд. Правдивый.

— Да какая мне разница, — бросила я вслух, и стоявшая рядом тётка с пакетами покосилась на меня с подозрением.

Я отвернулась в сторону тоннеля, откуда должен был показаться поезд. Но мысль всё равно саднила, противная, как заноза.

Он назвал меня Ириской. Так меня называла бабушка. И мама иногда. Откуда он мог знать?

Конечно ниоткуда. Просто совпадение. Случайность. Но это прозвище пробило всю мою броню за один миг. Будто он залез в прошлое и вытащил оттуда то, что я прятала глубже всего.

— Придурок, — прошептала я и вспомнила огромное пятно от кофе на его белой футболке.

И улыбнулась так, что сейчас мне мог бы позавидовать сам Гринч.

Подошёл поезд, и я шагнула в вагон, чтобы проехать ещё одну остановку.

Добравшись до своей станции, я привычным движением закинула кофр на плечо и направилась к выходу.

Впереди была любимая репетиция. Эскалатор тянул вверх, к вечернему небу. Я достала телефон и набрала сообщение Джону:

«Буду через 20 минут. Готовьте аппаратуру»

Он ответил смайлом, а я ускорила шаг, поправляя гитару, которая привычно оттягивала плечо. Запах московского вечера смешивался с запахом «ириски» во рту, что я достала из кармана косухи.

Я глубже втянула прохладный воздух и пошла в сторону студии, выкидывая из головы всё лишнее. Впереди была музыка.

Это единственное, что меня волновало по-настоящему.

***

— Твою мать!!!

— Где? Что? Когда?

Джон подскочил на черном диване так, что старая пластинка, висевшая на стене, опасно качнулась, а стоявший на подлокотнике пустой пластиковый стакан из кофейни за углом покатился по полу.

Я повернулась на стуле, взявшись за голову обеими руками и резко придвинувшись обратно к столу, прильнула к монитору. Я чувствовала, как внутри разрасталась щенячья радость.

Фотографии, которые скинул Том, были развернуты на весь экран, и я не могла оторваться.

Мы с Гердой Мун. Я и эта нереальная, будто с другой планеты, девушка.

Это выглядело так, будто две параллельные вселенные на секунду столкнулись и застыли в кадре.

А Том чертовски хороший мастер своего дела.

Никогда бы не подумала, что я, вечно взъерошенная и в драных джинсах, могу смотреться рядом с ней не как бедная родственница, а как равная.

Ну, или почти.

— Ты что орёшь как потерпевшая? — Джон уже стоял чуть дальше, за спиной, лениво почёсывая затылок, на котором вечно торчали в разные стороны его гавайские кудри, и пытался проморгаться.

Выглядел он так, словно его только что вытащили из бермудского треугольника, а не разбудили в московской студии звукозаписи.

— Иди сюда, болван, посмотри, — я прокатилась на стуле и схватила его за подол растянутой футболки и покатилась обратно, таща его за собой.

Он прищурился, наклонился к экрану и пару секунд молча сканировал картинку.

— Это что за хрень?

— Это, вообще-то, я.

— Я заметил. А рядом? — я хмыкнула.

— Я передам мировой топ-модели, что её назвали хренью.

— Да хоть самому президенту, — он наконец распрямился, сложив руки на груди. — Хотя, вообще-то, очень даже ничего.

— Согласна. Думаю, эти фотографии очень даже нам на руку. Отправлю их со всеми письмами в лейблы, как считаешь? Это, возможно, кромешный бред, но вдруг прокатит. Как считаешь?

Джон пожал плечами. Он вообще редко впадал в восторг от чего-либо.

— Не знаю как они помогут, но валяй. Если им нужна рок-звезда с лицом модели — ты теперь два в одном.

Я развернулась на крутящемся стуле, чуть не сбив локтем гору пустых стаканчиков, и застучала по клавиатуре.

Письма, заявки, демки — всё это было моей второй, бумажной жизнью, которую я ненавидела всей душой, но тащила на себе, потому что больше было некому.

Все треки были готовы еще пару дней назад, но я не стала ничего отправлять, решив дождаться фотографий.

Возможно, это было правильным решением.

К трём самым удачным трекам, — последний из которых, «Не прощаю», мы закончили записывать совсем недавно, — я прицепила фотографии, ссылку на запись живого выступления в «Перекрёстке» и короткое, сухое: «Мы — группа «Storm». Послушайте. Это стоит вашего времени».

Никаких «пожалуйста», никаких реверансов. Я не умею иначе.

Оставалось только ждать и надеяться.

Я невольно задумалась над тем, над чем никогда не думала всерьез — о судьбе.

Вся эта канитель с фотографиями закрутилась неожиданно и по-дурацки случайно.

Месяц назад Том забрёл в местный бар «Перекресток». Просто, по всей видимости, хотел хорошо провести вечер и выпить, а попал на наш концерт. Крошечный зал, битком набитый

телами, мигающим светом, который мы сами чинили перед выходом, и звуком, от которого у нормальных людей, наверное, заложило бы уши. Мы отыграли сорок минут, и я, мокрая как мышь, спустилась со сцены.

Он подошёл сразу, пока я ещё дышала как загнанная лошадь и пыталась отлепить ото лба мокрую чёлку.

— Слушай, для глянцевого журнала нужна рок-девушка. Сочетание гламура и гранжа. Не хочешь попробовать?

Было очень странно видеть в таком месте человека его статуса. Хоть я и не совсем разглядывала его лицо и одежду, но в память, тогда, впечатались аккуратно уложенные платиновые волосы, его осанка «важного человека» и начищенные до блеска лаковые туфли.

Сначала я думала его послать. Глянец, мода, все эти вылизанные лица — это было не моё. Но он оставил визитку и бросил, уже разворачиваясь.

— Думаю, твоей группе не помешает популярность в глянце. Или ты считаешь, что такую музыку не слушают в гламурном мире? Всё не так заурядно, как тебе кажется.

Я взяла визитку, смяла её в кулаке и долго смотрела ему вслед, пока он не растворился в толпе и сигаретном дыме. А через неделю позвонила сама.

Сейчас фотографии уже лежали в папке «Для рассылки», и я смотрела на них, всё ещё не веря, что делаю это.

Студия, которую мы снимали на окраине Москвы, была бесконечно родной. Пол был выложен черным ламинатом, стены со звукоизоляцией были увешаны афишами, постерами, кучей старых пластинок и гирляндой, которая мигала не в такт, но мы всё равно её не снимали — на Новый год Макс сказал, что она приносит удачу. Почему? Мы так и не поняли, но спорить не стали. Но было предположение, что ему нравилось, как красиво от его глянцевой бас-гитары отражались эти огни.

Угол Джона — царство хаоса барабанщика: пара запасных тарелок, педаль, куча щёток, колотушек и барабанных палочек, которые он везде терял. И кружка с недопитым чаем, которая, кажется, поселилась там навсегда.

Моя зона — компьютер, клавиатура, гитара на подставке, блокноты с текстами, исписанные вдоль и поперёк. Я писала всегда и везде: на клочках, на салфетках, в телефоне, в ноуте. Но настоящие тексты рождались только здесь, когда за стеной грохотал метроном, а Димас наигрывал на синтезаторе что-то бесконечное, как мантру.

Димас. Слегка сутулый, рыжие волосы в коротком хвосте, в своей шляпе а-ля «я безумный шляпник», которую он постоянно поправлял указательным пальцем. Вундеркинд в музыкальной школе, где ему прочили судьбу великого пианиста. Родители до сих пор, наверное, не оправились от шока, что их сын, закончивший элитную академию с отличием, вместо концертных залов и чёрного фрака выбрал пыльные клубы, хронический недосып и синтезатор вместо рояля. Но я ни разу не видела его таким счастливым, как в тот момент, когда он впервые сел с нами на репетиции и сказал: «Тут акустика — дерьмо. Но зато как громко!» Его партии и бэк-вокал были тем, что придавало нашим песням глубину. Тревожное, почти классическое звучание, которое цепляло за живое.

Мы с ним любили экспериментировать в сочетании стилей. Иногда, оставаясь ночевать в студии, я просыпалась ночью от того, что он что-то тихо наигрывал, боясь разбудить, но я всё равно слушала и не злилась. Потому что это было красиво.

Мак ввалился в студию ровно в тот момент, когда я дописывала третье письмо.

Скрипнула дверь, повеяло уличной прохладой и сигаретами, а следом раздался его громкий голос, способный перекрыть даже включённый на полную громкость усилитель.

— Доброе утро, убогие! Или что у нас там сейчас — день? Вечер? Неважно. Я пришёл, можете начинать радоваться!

Его эго заходило в комнату раньше, чем он сам. Высокий, шумный блондин, с вечной ухмылкой на лице и бас-гитарой в потрёпанном кофре за спиной, он был душой компании и нашей главной головной болью одновременно. Мог опоздать на репетицию на два часа, потому что застрял в пробке и решил скоротать время за кофе с какой-нибудь незнакомкой. А мог посреди ночи притащить в студию толпу друзей и объявить внеплановую вечеринку. Но когда он брал в руки бас, всё это переставало иметь значение.

Его партии были плотными, именно он держал ритм, который не давал нашим песням развалиться.

— Ты вовремя, — буркнула я, не оборачиваясь.

— Я всегда вовремя. Просто у вселенной иногда сбиваются часы. Максим бросил кофр на пол и плюхнулся на диван рядом с Джоном, который тут же подвинулся, ворча что-то про «слона в посудной лавке».

Такими были наши будни.

А три дня в неделю — клубы. Маленькие или большие — это было не важно. Мы играли везде, куда нас звали, и везде, куда могли пробиться сами. Я помнила каждый зал: «Котёл» с его обшарпанными стенами, где пахло потом и пивом, и где публика стояла так близко, что можно было разглядеть лица в первом ряду; «Станцию», где звук был таким гулким, что приходилось орать в микрофон, срывая связки; крошечный «Бункер», в который набивалось сто человек, хотя по документам он вмещал пятьдесят, и к концу выступления дышать было нечем. Мы возвращались под утро, без голосов, с гудящими руками, пропитанными дымом и чужой энергией, падали кто где и просыпались ближе к полудню, чтобы снова собраться в студии.

В будни — сочинение текста, споры до хрипоты, бесконечные прогоны одной и той же партии, поиск звука, который Димас называл «тем самым», а Джон — «да ну, херня».

Я писала тексты, перечёркивала, рвала, снова писала. Макс приносил рифы, от которых хотелось прыгать, Дима выстраивал вокруг них целые гармонические леса, а Джон методично, как метроном, собирал всё это в единый пульс.

Мы были раздолбаями, каждый со своими тараканами — один сбежал с Гавайев, другой сбежал из мира классической музыки, третий сбежал бы, наверное, даже от самого себя, если бы мог, а я… я бежала от прошлого.

Но когда мы играли вместе, всё это переставало иметь значение.

Ведь музыка помогает затянуть любые раны, верно?

***

Чугунная голова по утрам стала уже как добрый друг.

А еще было желание никогда больше не слышать слово «глянец». Позирования перед камерой и последующая репетиция выжали из меня последние соки.

В студии было тихо, только холодильник гудел в углу кухонной зоны, которую мы гордо именовали «камбузом», потому что она была небольшого размера.

Я сидела за компом, поджав под себя ноги, и допивала уже третью кружку кофе, пока Джон храпит на диване, укрывшись с головой старым пледом в клеточку. Накануне мы почти не спали — после съёмки я приехала в студию злая как собака, но с таким приливом энергии, что умудрилась написать почти целую песню, пока парни по очереди отрубались. Теперь текст лежал передо мной в блокноте, расписанный так, что разобрать можно было только каждое второе слово.

Но я чувствовала, что это будет сильная вещь. Злая, громкая, от которой у Макса загорятся глаза.

Я потянулась и открыла почту.

Три новых письма. Первое — спам, даже открывать не стану. Второе — напоминание о плате за аренду студии: сухо и безжалостно. А третье… третье заставило меня замереть с кружкой на полпути ко рту.

Тема письма была на французском, но я разобрала главное: «Nouveau Départ Records — proposition de contrat». «Nouveau Départ» — это один из крупнейших инди-лейблов Европы. Они держали у себя группу, которую я слушала до дыр последние три года, и ещё с десяток команд, от которых у любого меломана начиналась восторженная дрожь.

Руки похолодели. Я кликнула по письму и первые несколько секунд просто водила глазами по строчкам, понимая, что написано все на французском.

«Контрл с» и «контрл в» и текст был в онлайн переводчике.

«Мы ознакомились с вашими записями и фотографиями… заинтересованы в сотрудничестве… предлагаем первичное прослушивание и, возможно, контракт на запись альбома… студия в Париже… на первое время проживание и перелет вы оформляете самостоятельно… после успешного прослушивания — полное сопровождение…»

Париж. Студия. Прослушивание.

Альбом. Они хотели нас. Они правда, чёрт возьми, хотели нас.

— ТВОЮ МАТЬ!!! — я заорала так, что Джон свалился с дивана.

Через тридцать минут в студии стоял гвалт, будто мы только что отыграли концерт на стадионе, а не прочитали одно-единственное письмо.

Димас, который пришёл первым (он вообще жил ближе всех и, кажется, вообще никогда не спал), сначала побледнел, потом покраснел, а потом молча сел за синтезатор и начал наигрывать что-то торжественное.

Джон, ещё не до конца проснувшийся, просто стоял посреди комнаты и повторял: «нихрена себе, нихрена себе», как заведённый.

А Макс… Макс ворвался в студию последним, в одних джинсах и футболке наизнанку, проорал: «Я ЖЕ ГОВОРИЛ, ЧТО МЫ БОГИ!», схватил меня в охапку и закружил так, что я чуть не сбила стойку с микрофоном.

— Угомонись, придурок, — я вырвалась, но улыбка сама лезла на лицо, и спрятать её не получалось.

Мы проговорили до вечера. Строили планы, перебивали друг друга, перебирали варианты треков для прослушивания и какие пойдут в альбом, рисовали в воображении парижскую студию, которая представлялась нам чем-то средним между космическим кораблём и храмом. Димас уже гуглил оборудование, которым пользовались ребята из «Nouveau Départ». Макс рассказывал, как мы пойдём гулять по Парижу и будем пить вино после записей. Джон просто улыбался своей широкой гавайской улыбкой и качал головой, всё ещё не веря.

А я… я чувствовала, как глубоко внутри разгоралось чувство, что наконец-то всё было не зря. Хоть даже это только прослушивание, но для нас это был огромный шаг вперед.

Все эти пыльные клубы, сорванные голоса, ночные записи на коленке, письма в лейблы, на которые никто не отвечал, бесконечное «мы пробьёмся».

И мы пробились.

Перед глазами стояла картинка, как мама сидит около собственного загородного дома и пьет любимый чай.

Когда страсти немного улеглись, и парни разбрелись, я снова открыла письмо. На этот раз внимательно. И чем дольше я читала, тем сильнее холодный комок, который сначала прятался где-то в желудке, поднимался вверх, к горлу.

Мысли летали как бешенные.

Контракт. Студия. Альбом. Проживание на время работы, самостоятельный перелет. Срок предложения ограничен — полгода.

Невероятно…

Я откинулась на спинку стула и уставилась в потолок.

Мы — никто. В паспортах у каждого — Россия, у Джона — американский, но он давно просрочил что-то там с визой и легализовался через полгода мучений и беготни по инстанциям. Виза, разрешение на работу, медицинская страховка. Документы, документы, документы.

У меня загранпаспорт был, да — сделала пару лет назад, когда ещё теплилась дурацкая надежда выбраться на какой-нибудь фестиваль за бугром.

Но виза? Шенген?

Я понятия не имела, с чего начать и сколько это все стоит.

А самое главное — нам нужна была не туристическая, а рабочая, долгосрочная виза, с перспективой на дальнейшее проживание и запись альбома, потому что я понятия не имею, будет ли потом помогать лейбл.

Я полезла в интернет и через час чтения форумов, официальных сайтов и каких-то мутных блогов почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Документы для рабочей визы для музыкантов:

Приглашение от лейбла — нет.

Трудовой договор или контракт с чёткими условиями — тоже нет.

Подтверждение профессиональной деятельности — портфолио, публикации, контракты на выступления за последние три года.

Приглашение на прослушивание — имеется. Это может помочь.

Медицинская страховка на весь срок пребывания с покрытием от тридцати тысяч евро на каждого — *какого хрена так дорого?*

Справка о несудимости с апостилем и переводом — *черта с два. Надо делать.*

Подтверждение финансовой состоятельности или спонсорское письмо — *а вот это реальная проблема. Во всяком случае для меня точно*.

Срок рассмотрения визы — от двух недель до двух месяцев. Два месяца! А если с первого раза не получиться?

Я закрыла ноутбук и уставилась в стену. В студии было тихо, только гудел холодильник и Джон тихонько посапывал на диване. Они там, в Париже, прислали письмо, радостно потирая руки, думая, что группа «Storm» — это просто четыре музыканта, но на деле это еще и стопка документов.

А еще финансовое положение.

Я единственная из нашей группы, у кого не было ничерта за душой. Все было отдано в группу, аренду своей студии, которая нужна была для личного спокойствия и на помощь маме.

И от этой мысли стало так горько, что перехватило дыхание.

— Ты чего? — Джон приподнялся на локте и посмотрел на меня сонными глазами. Я не заметила, как он проснулся.

— Ничего.

— Врёшь.

Я поморщилась.

— Джон, — сказала я тихо. — Кажется, у нас большие проблемы.

Глава 3

Lady Gaga — Abracadabra

Тим

Я сидел на краю своей кровати, откинувшись на прямую руку, и смотрел в потолок.

Мыслей в голове не было. От слова — совсем.

Сейчас был только ритм, только влажное тепло и мягкие каштановые волосы под ладонью второй руки.

Я даже не запомнил, как её зовут. Кажется, Марина? Или Полина. Неважно. Главное, что она понимала с полуслова.

Вернее, с полу движения.

— Да, малыш, вот так… быстрей… — Я прикрыл глаза от удовольствия.

Телефон завибрировал на тумбочке, и я скосил взгляд.

На экране высветилось: «Дублёр».

Ну конечно. Кто же ещё.

Я усмехнулся и поднёс трубку к уху, не меняя позы. Девушка на мгновение замешкалась, но я мягко ухватил её за высокий хвост у чёрной резинки и подтолкнул, мол, продолжай.

— Бра-ат, — протянул я в трубку, растягивая слово. — Как ты умеешь выбирать время? Ну серьёзно. Почувствовал через нашу недосиамскую связь, что у меня тут… э-э-э… влажные переговоры и от зависти решил всё сорвать?

В трубке повисла короткая тишина.

И тут последовал влажный, характерный звук. Том явно его услышал. Я даже представил, как у него сейчас дёргается глаз.

— Фу, придурок. Это отвратительно, — голос брата полон брезгливости. — Ты не мог бы, хотя бы притормозить свою… хм… спутницу на минуту? Или трубку рукой прикрыть? Или вообще не брать телефон?

Я широко улыбнулся и рукой, на всякий случай, прикрыл микрофон.

— Извини, зов природы, — пожал я плечами, хотя он меня не видел. — Ты сам выбираешь идеальное время для звонка. Я тут вообще ни причём. Сам подумай — это же ты звонишь, а не я. — Я прикрыл глаза и раскрыл рот в немом удовольствии.

— И потом, — проговорил я с придыханием, — не возьму трубку, буду выслушивать от тебя всякие гадости. Нет уж, спасибо.

Я запрокинул голову и чуть сжал её плечо — медленнее.

— Слушай, — голос Тома стал серьёзнее. — Я знаю, что ты пытаешься сделать. Все эти твои клубы, алкоголь, случайный секс… Ты думаешь, это поможет забыть Герду?

Я промолчал. Челюсти сжались сами собой.

— Это не сработает, Тим, — продолжил он. В голосе прорезалась менторская интонация, от которой меня трясло с детства. — Тебе нужно что-то более… глубокое. Что-то настоящее, а не вот это вот всё. Ты же не животное.

— Угу. Вот мне и делают что-то …ооочень… глубооокое и настояяяящее, — протянул я, хмыкнув. — Лекцию о нравственности я запомню. Кстати, напоминаю: завтра я улетаю обратно в Питер. Так что все «вот это вот всё», как ты выражаешься, закончится.

Наверное.

Но это не точно.

В трубке повисла тишина. Нехорошая такая, тяжёлая.

Что-то мне это не нравится.

— Вообще-то, — произнёс Том каким-то напряжённым голосом, — завтра ты никуда не летишь. Ты идёшь со мной. На очень важную встречу.

Я нахмурился. Правая рука, лежавшая на затылке девушки, остановила её движение и слегка надавила, заставляя замереть. Она послушно затихла и подняла на меня вопросительный взгляд. Я посмотрел в стену позади нее, чувствуя, как внутри закипает раздражение пополам с тревогой.

— В смысле — не лечу? — переспросил я медленно. — Том, какого чёрта? У нас билеты. И что ещё за встреча? У нас работа.

Он тяжело вздохнул.

— Появилось одно очень важное дело, — сказал он наконец. — Я не могу сейчас объяснить по телефону. Завтра расскажу. И, Тим… не опаздывай. Встреча в десять вечера. Я скину адрес.

— Том, погоди…

— Завтра, Тим. И… сделай одолжение, выспись наконец-то.

И он бросил трубку.

Я ещё пару секунд смотрел на погасший экран. Потом отбросил телефон в сторону, коротко и зло выдохнув сквозь зубы.

Вот же… всегда так.

Том врывался в мою жизнь, как к себе домой, и распоряжался ею, будто я всё ещё тот младший брат, которого нужно вести за ручку.

У нас разница всего в одну минуту! Где справедливость?

Девушка, стоя на коленях, не шевелилась, застыв в неудобной позе, терпеливо ожидая команды. Я наконец опустил взгляд и посмотрел на неё, но не видел. В голове крутилось только одно: что за дело, ради которого Том отменил работу? И почему он не мог сказать прямо сейчас?

— Вставай, — сказал я отрывисто, убирая руку. — Всё. Продолжения не будет.

Она моргнула — кажется, не поняла. На красиво очерченных губах блестела влага.

— Что-то случилось? — спросила она, и голос у неё оказался неожиданно приятным.

— Нет. Просто устал. Я вызову тебе такси и оплачу. Прости.

Я поднялся с кровати, застегнул брюки, прошёл к окну и отдёрнул штору. За стеклом ночная Москва — огни, указатели, мокрый асфальт.

Город возможностей, из которого я собирался сбежать завтра утром. Но, видимо, не судьба.

За спиной зашуршала одежда и щёлкнула молния. Девушка не спорила — то ли опытная, то ли просто умная. Уже у двери она обернулась:

— Может, всё-таки обменяемся номерами?

Я подошёл к кровати и взял в руку телефон, спросив адрес для такси. Она продиктовала.

Вызвав машину, я обернулся и выдавил из себя кривоватую ухмылку, от которой таяли все. Но глаза оставались холодными.

— Я сам тебя найду, зайка, если захочу. Сладких снов.

Хлопнула входная дверь. Я остался один. Тишина давила на уши.

Я налил себе виски, даже льда не стал добавлять и сделал глоток, обжигающий горло.

Что же ты задумал, Том? Что за встреча, ради которой ты отменяешь всё? И почему я чувствовал, что это что-то изменит и после чего моя жизнь не будет прежней?

Я допил виски, глядя в тёмное окно, где проглядывалось отражение. На меня смотрел человек, который давно уже не знал, куда и зачем он шёл. Но, кажется, завтра брат решил показать ему дорогу, раз речь зашла о Герде.

Хотелось бы верить, что не в пропасть.

***

— Слушай, что за статус такой «Совершенно секретно»? Может, уже расскажешь, какого чёрта ты меня сюда притащил?

Мы с Томом торчали, судя по всему, в самом паршивом районе города и чего-то ждали.

Чего именно — одному Богу известно.

И этот самый, грёбаный Бог, стоял сейчас рядом со мной, засунув руки в карманы, с таким хитрожопым и самодовольным лицом, что я почти физически ощущал, как статус «совершенно секретно» вот-вот плавно перетечёт, для меня, в статус «я в полной заднице».

— Наберись терпения, братец. Скоро всё узнаешь.

— Знаешь, меня от твоего «скоро всё узнаешь» уже трясти начинает. Я пошёл.

Я развернулся, чтобы умотать по добру по здорову, но Том мёртвой хваткой вцепился мне в рукав кожаной куртки, развернул обратно и по-свойски положил свою накаченную руку на плечо, пригвоздив к месту.

— Никак струсил?

— Да как я могу струсить, если я даже не понимаю, что именно должно меня на это спровоцировать? — прошипел я, скрещивая руки на груди и буравя взглядом этого недомалфоя, освещённого единственным фонарём. — Ты идиот? Меня просто каждый раз передёргивает от твоих авантюр. Не скажу, что они всегда неудачные…

В этот момент позади нас раздался пронзительный скрип железной двери, и из неё, вальяжной походкой, выплыла…

Какого хрена?

— А эта пигалица как сюда попала?

— То же самое могу сказать про тебя, петух, — процедила Ира, даже не взглянув в мою сторону. — Том, что он тут делает? Я договаривалась с тобой. Он мне не нужен.

— Кажется, попахивает жареным, — раздался из-за спины девушки ленивый голос, и на свет божий явилось чудо из чудес: рыжее недоразумение в высокой шляпе, словно сбежавшее с безумного чаепития.

— Слушай, — я повернулся к брату с каменным лицом и скрещивая руки на груди. — Если бы я захотел сходить в цирк, я бы сделал это днём и пошёл бы в соответствующее место. Это прикол какой-то?

— А если бы я хотела поглазеть на самовлюблённого индюка, то сходила бы в зоопарк.

— Не пищи слишком громко, а то ненароком собратья услышат.

Девушка ощетинилась, в глазах полыхнуло такое бешенство, что мне на секунду показалось — она сейчас бросится на меня с кулаками. И, судя по её лицу, прибить она меня хотела без малейших угрызений совести.

— Так, ребятишки, успокаиваемся, — Том хлопнул в ладоши, вклиниваясь между нами. — Ира, может, впустишь внутрь и поговорим спокойно?

— Только если без него. — Её палец указал точно на меня.

— Да пожалуйста, я только за. — Отмахнулся я.

— Нет, нет и нет. — Том покачал головой с видом продавца, что отказывается брать назад бракованный товар. — Он идёт со мной в комплекте. Тебе нужна помощь или нет?

Ира задумалась. Казалось, она пережевывает эту мысль целую вечность, а затем вздохнула так, словно проиграла очень важный бой:

— Хорошо, входите.

— Я правда думаю, что это плохая идея, — практически пищал я в ухо брату, пока тот толкал меня в спину, загоняя в тёмный проём. — А вдруг она меня съест? Я не хочу быть съеденным.

— Не парься, я тебя защищу. — Усмехается Том.

— Очень смешно, придурок.

Проходя мимо Иры, я только сейчас осознал по-настоящему, насколько она устрашающе выглядела при своём росте метр с кепкой.

В ней чувствовалась какая-то сжатая, тугая пружина, готовая распрямиться в любой момент. Я скользнул внутрь, стараясь держаться от неё на максимально возможной дистанции.

Студия звукозаписи оказалась совсем не тем, что я подсознательно ожидал.

Я-то настроился на классический подвал — низкие потолки, облезлый поролон, запах сырости и чьих-то несбывшихся надежд.

А вместо этого вошёл в пространство, которое больше напоминало дорогой лофт: высокие потолки с открытыми балками, приглушённый тёплый свет, современная звукоизоляция, обшитая панелями тёмного дерева и мягкая подсветка гирлянды. Аппаратная блестела свежими мониторами и пультом, от которого у любого звукорежиссёра случился бы приступ счастья. Даже кондиционер работал бесшумно, и воздух был не спёртым.

Но музыкальный хаос никуда не делся — просто здесь он был другого рода.

Повсюду, на каждой горизонтальной поверхности, валялись исписанные листы: обрывки текстов, какие-то диаграммы, которые я не смог бы расшифровать даже под дулом пистолета. Стаканы из-под кофе — не меньше пяти штук, на разных стадиях опустошения. Вдоль стены громоздились кофры с инструментами, а на дорогом диване цвета мокрого асфальта в художественном беспорядке валялись шнуры, медиаторы и чей-то растерзанный сэндвич.

На этом самом диване, раскинув руки по спинке, восседал кудрявый разрисованный бык, косящий под Мауи (уточнение: гастролируя долгое время с любительницей Диснея, Гердой, невольно начинаешь сравнивать каждого второго с персонажами мультфильмов). Здоровенный, с татуировками, ползущими из-под воротника к самым скулам, он лениво покручивал в пальцах барабанную палочку и смотрел на вошедших с выражением вселенской скуки, смешанной с лёгким любопытством.

Рядом, поджав под себя ногу, сидел тип, смахивающий на Джона Смитта из «Покахонтас» в готическом прочтении: светлые волосы, тёмные круги под глазами и бледность, которой позавидовал бы любой уважающий себя вампир. Он что-то черкал в блокноте, даже не подняв головы.

Третий — вылитый Шляпник, — плюхнулся рядом с вампиром и скрестил руки на груди, оглядывая прибывших с таким видом, будто мы прервали как минимум философские дебаты.

Я деловито осмотрел помещение, выцепил взглядом свободный стул у ноутбука — на удивление приличный, явно купленный не на барахолке, — и плюхнулся на него, развалившись с тем расчётом, чтобы выглядеть так, словно я сидел тут с основания студии.

Хорошая мебель. Определённо, у этих ребят водились деньги — или хотя бы один спонсор с хорошим вкусом.

Ира закрыла дверь, бросила на меня быстрый, испепеляющий взгляд и буркнула:

— Да, конечно, будь как дома.

Я лишь смахнул невидимую пылинку с куртки, и растянул губы в самой неискренней из своих улыбок, запрокинув руки за голову.

— Непременно. У тебя тут очень… уютно. Особенно вон тот угол, где, кажется, кто-то умер.

Я как раз прекрасно устроился и приготовился наслаждаться спектаклем в виде разъяренной пигалицы, когда Том решил, что комедия закончилась.

Он хлопнул в ладоши, привлекая внимание, и вклинился между мной и Ирой, как рефери на ринге.

— Так, всё, балаган закрывается. Давайте конкретно по делу.

Ира скрестила руки на груди, всё ещё сверля меня глазами, но тон сменила на деловой. Видимо, дело и правда было серьёзное.

— Короче. Нам предложили прослушивание и дальнейшую запись альбома, если все сложится как надо. Лейбл в Париже. Студия, продюсер — всё на высшем уровне. Есть одно но: ничего, кроме приглашения от них не будет. — Она помедлила и продолжила. — Такой шанс выпадает раз в жизни, и мы не можем его упустить, — она опять замолчала и бросила короткий взгляд на меня и перевела обратно на Тома. — Все парни уже получили документы, шенген готовится. Там все схвачено. А у меня…

Она замолчала, и я заметил, как желваки на её скулах напряглись. Видно было, что признаваться в собственной уязвимости ей физически больно.

— У меня на счетах недостаточно средств, чтобы мне одобрили долгосрочную визу. Они хотят видеть финансовые гарантии, а мои доходы… скажем так, творческие люди во Франции никому не нужны без бумажек, подтверждающих, что ты не собираешься там попрошайничать.

Она перевела дыхание и посмотрела Тому прямо в глаза.

— Ты говорил, у тебя есть связи при первой нашей встрече. Хорошие юристы наверняка тоже есть. Вы… богатые, в конце концов, это видно. Я подумала, может, через тебя можно что-то сделать. Какие-то гарантии, поручительства — я не знаю, как это работает. Поэтому и позвонила. И ты единственный француз, которого я знаю.

Я присвистнул и откинулся на спинку стула.

— То есть ты нас, — я показал на себя и Тома, — затащила в этот подземный склеп, чтобы попросить денег? Оригинально. Прямо скажем, оригинально.

— Я не прошу денег, придурок. Я прошу помочь с визой, — отчеканила она, не поворачиваясь ко мне. — Разницу чувствуешь? Хотя куда тебе.

— Ой, простите, мадемуазель грубиянка, я, кажется, перепутал попрошайничество с вымогательством. Моя ошибка.

Я скрестил руки на груди, ухмыляясь реакции Иры.

Том снова встал между нами и поднял руку, призывая к тишине. Его лицо, до этого весёлое, стало непривычно серьёзным.

— Ира, — начал он спокойно. — Допустим. Но скажи мне вот что: почему именно я должен тебе помогать? Мы с тобой не друзья, не партнёры, ни любовники, и даже не хорошие знакомые. Мы, если честно, вообще никто друг другу. Ты позвонила и сказала, что дело срочное. Я приехал. Теперь я слушаю — и пока не слышу ни одной причины, почему моя семья должна вписываться в твои проблемы с французской бюрократией.

Повисла тишина. Готический Смитт на диване перестал черкать в блокноте и поднял голову, с интересом наблюдая за сценой. Здоровяк Мауи перестал крутить барабанную палочку. Даже я замер. Одному шляпнику, по моему, было скучно в своём теле.

Ира глубоко вздохнула. Было видно, что этот разговор даётся ей с трудом — куда труднее, чем наши с ней взаимные подколы.

— Потому что… — она запнулась, подбирая слова, — потому что ты единственный, кто хотя бы частично понимает, с кем придётся иметь дело. Ты работал с французскими продюсерами, ты знаешь эту кухню. И да, у тебя есть ресурсы, которых нет у меня. Я не прошу подачку, Том. Я прошу помощи. И если ты поможешь — я в долгу не останусь. Мы будет работать с одним из крупных музыкальных лейблов Франции.

Том молча смотрел на неё несколько секунд, потом перевел взгляд на меня и затем кивнул каким-то своим мыслям и, не сказав больше ни слова, развернулся и вышел на улицу.

В студии повисла неловкая тишина. Парни на диванах переглянулись и, кажется, коллективно решили стать частью интерьера.

Ира стояла, обхватив себя руками, и смотрела в одну точку перед собой.

Я же, пользуясь тем, что на меня никто не обращает внимания, украдкой её разглядываю.

Честно говоря, в полумраке студии она выглядела иначе, чем под фонарём или в первую нашу встречу.

Там, я видел только колючки — острый язык, вызывающий взгляд и боевую стойку.

Здесь, в этом тусклом свете, колючки никуда не делись, но к ним добавилась другая ее сторона.

То, как она нервно покусывает губу, как пальцы сжимают предплечья, и я увидел побелевшие от напряжения костяшки. Она была похожа на загнанного в угол зверька, который из последних сил делает вид, что всё ещё контролирует ситуацию.

Маленькая, злая и отчаянная.

И в своей неизменной красной косухе.

На секунду у меня промелькнула мысль понимания.

Дверь скрипнула, и я тут же отвёл взгляд, уставившись в потолок с видом человека, изучающего интерьер.

Том вернулся. Его лицо не выражало ровным счётом ничего. Собственно, как и всегда.

— Ну что? — Ира подалась вперёд, не в силах скрыть нетерпение.

Том неторопливо пересёк комнату, остановился напротив неё и засунув руки в карманы брюк. Он посмотрел сначала на меня, а потом на Иру.

— У меня две новости. Хорошая и плохая. С какой начнем?

— С хорошей, — выпалила она без колебаний.

— Хорошая новость: способ получить долгосрочную визу во Францию действительно есть. И он абсолютно законный.

Она выдохнула. Почти улыбнулась.

— А плохая?

— Плохая новость в том, что тебе этот способ вряд ли понравится. — Том выдержал театральную паузу. — Ты должна выйти замуж за состоятельного гражданина Франции. И чем быстрее, тем лучше. Это единственный доступный и быстрый вариант, что предложил наш юрист.

В комнате стало так тихо, что, мне показалось, я услышал, как на соседнем диване сглотнул Мауи.

Я перевёл взгляд на Иру. Её лицо застыло, словно его поставили на паузу. Глаза широко раскрыты, рот чуть приоткрыт — она переваривала услышанное и, судя по всему, переваривала плохо.

Я не сдержался. Смешок вырвался сам собой — сначала тихий, а затем уже откровенный, нахальный хохот.

— Ну ты попала, Ириска, — протянул я, растягивая слова и откровенно наслаждаясь моментом. — Замуж. За состоятельного француза. Романтика, круассаны по утрам. Может, тебе ещё и берет в приданое выдадут?

Ира медленно, как в трансе, повернула голову в мою сторону. В её глазах читалось такое обещание скорой и мучительной расправы, что я на секунду пожалел о сказанном.

Но только на секунду.

— Заткнись, — произнесла она почти шёпотом, и от этого у меня по спине пробежал холодок. — Просто. Заткнись.

Я только начал входить во вкус, представляя Иру в фате и с багетом под мышкой, но Том даже не улыбнулся.

Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на меня с каким-то странным сожалением. Так смотрят на ребёнка, который радостно скачет по луже, ещё не зная, что сейчас шлёпнется.

— Ты рано смеёшься, братец, — произнёс он тихо. От его тона моя улыбка слегка подвяла. — Потому что этим мужем стану я, раз она обратилась ко мне.

Тишина.

Где-то в углу, кажется, зажужжала муха.

Улыбка сползла с моего лица. Стул подо мной скрипнул, когда я медленно выпрямился, переводя взгляд с Тома на Иру и обратно.

Она выглядела так, будто ей только что сообщили, что спасти её может только брак с инопланетянином.

— Что? — мой голос прозвучал на пол-октавы выше обычного. — Том, это шутка? Потому что если это шутка, то я не понял, где смеяться.

— Я абсолютно серьёзен.

— Ты что, мать Тереза? — я вскочил со стула и сделал шаг к нему. — Ты хочешь жениться? На ней? — я ткнул пальцем в сторону Иры, даже не глядя в её сторону. — Нравится экзотика чтоли? Ты вообще в своём уме?

— Более чем, — Том был невозмутим, как скала. — Схема простая: я — совершеннолетний гражданин Франции. У меня есть паспорта и гражданство двух стран и достаточно средств на счету, чтобы соответствовать всем требованиям. Формально — мы подаём документы, расписываемся, она получает визу и вуаля. Всё чисто, законно и без единого подлога.

— Законно? — я почти закричал. — Ты называешь фиктивный брак законным?

— Фиктивный брак — это когда ты платишь незнакомому человеку за регистрацию. А здесь — официальный союз двух граждан, основанный на… — он сделал короткую паузу и позволил себе тонкую улыбку, — взаимном уважении и общих творческих интересах.

— Да я бы, на твое месте, скорее женился на почтовом ящике! — выпалил я. — У него, по крайней мере, характер лучше!

— Да ты и сам не цветочек аленький, — раздался ледяной голос.

Я резко обернулся.

Ира стояла, скрестив руки на груди, и прожигала во мне дыру. Наши взгляды встретились, и воздух между нами едва не заискрился от напряжения.

— А ты вообще не вмешивайся, — я театрально развёл руками поворачиваясь к Тому. — Полный НЕметч! Ни ты, ни она не хотите этого. Пусть ищет себе другого француза. Проблема решена, все свободны, я вызываю такси.

Я уже почти дёрнулся к выходу, но Том перегородил дорогу.

— Тим, — сказал он спокойно. — Я должен это сделать.

В комнате стало невыносимо душно. Парни на диванах, кажется, вообще перестали дышать.

Я уже открыл было рот, чтобы разразиться новой гневной тирадой, якобы какого черта он ей что-то должен, и что не он должен решать эту проблему, но Том вдруг подошёл ко мне вплотную, взял за локоть и отвёл в комнату со звукопоглощением. Ира проводила нас подозрительным взглядом, но с места не сдвинулась.

— Послушай меня, — заговорил Том вполголоса.

Я замер. Он отпустил мой локоть и заглянул мне прямо в глаза — без привычной усмешки, самодовольства, и всего того, что обычно бесило меня в нём.

— Ты сохнешь по Герде уже очень давно, Тим. Я вижу, как ты смотришь на телефон, когда думаешь, что никто не замечает. Как ты выпадаешь из разговора, когда кто-то случайно произносит её имя. Ты не живёшь. Ты существуешь в режиме страдальца.

Я хотел возразить, хотел спросить — причем здесь вообще я, но слова застряли во рту.

Потому что это было правдой. Неудобной и унизительной правдой.

— А тут нам падает на бошку практически готовый сценарий, — продолжил он тихо, но настойчиво. — Уехать во Францию на несколько месяцев, со мной вместе. Мы отдохнем, сменим обстановку, выдохнем, развеемся, проведем нормально время с семьей и, главное, с Жизель. Перестанем бежать от неизбежного. Побудем в наших любимых Париже, Лионе, Марселе — поедем куда захотим. Впервые за долгие годы, без рабочей суеты. Я не привязан к их студии и не обязан тусоваться с группой. Просто подпишу бумажки — пятнадцать минут позора, не больше — и всё. Дальше мы свободные люди с французским паспортом в кармане и целой страной перед глазами. У нас есть хорошие знакомые, которые, в случае чего, и там подкинут нам работы, ты это и сам знаешь.

Он сделал паузу и чуть понизил голос.

— Я даже видеться с ней не обязан. Формально мы будем мужем и женой, но фактически — я просто поставлю подпись и пойду пить вино на набережную. Она занимается своим альбомом, а я и ты — своей жизнью. Может, это именно то, что нам нужно, братец. Передышка. От Герды, от России, от нашего бешеного образа жизни. Когда мы последний раз были в отпуске?

Я молчал. Смотрел куда-то поверх его плеча, на поролоновую обшивку, и чувствовал, как внутри что-то медленно сдвигалось с мёртвой точки. Не потому что я вдруг мысленно согласился, а потому что он был прав.

Я действительно застрял. Застрял как муха в липкой ленте, и этот клей с каждым месяцем становился только прочней. И у нас, в самом деле не было отпуска, казалось, целую вечность.

— Ты закончил сеанс психотерапии? — выдавил я наконец, пытаясь вернуть голосу привычную язвительность. — Ты точно уверен, что готов такое провернуть? Мы же можем плюнуть на эту пигалицу и ее цирк уродцев и просто метнуться в отпуск?

— А почему бы, попутно, не помочь одной Дюймовочке? — Том слабо улыбнулся. — К тому же, я был на их концерте и мне понравилось что я услышал. От их популярности, в дальнейшем, мы могли бы извлечь выгоду.

— Слушай, может тогда я за тебя…?

— Даже не думай. — Не дал мне договорить Том. — Вы друг друга поубиваете раньше, чем распишитесь. Я, в целом, не понимаю вашу ненависть друг к другу, но того, что я увидел — мне достаточно.

Он похлопал меня по плечу и вернулся к остальным, оставив меня стоять у стены с совершенно пустой головой и странным, давно забытым чувством. Кажется, это был страх. А может, надежда.

Чёрт их разберёт.

— О чём шептались? — тут же спросила Ира, переводя подозрительный взгляд с Тома на меня.

— О твоей неземной красоте и ангельском характере, — бросил я на автомате, всё ещё глядя в стену. — Решали, достоин ли мой брат такого счастья.

И тут меня накрыло.

Будто тихим щелчок в голове, словно кто-то наконец переключил тумблер, который барахлил последнее время.

А почему бы и нет?

Мысль была простой и отрезвляющей, как пощёчина. Я стоял у стены, смотрел в глаза этой колючей, невыносимой девчонки и вдруг понял: мне надоело.

Надоело просыпаться с мыслью о той, которая на меня не посмотрит так, как я хотел бы.

Надоело быть тенью человека, которым я когда-то был. Герда сделала свой выбор — пора бы и мне его сделать.

Эта девчонка — со своим скверным характером, острым языком и ростом метр с кепкой, была не просто вариантом.

Она была билетом. Инструментом. Способом разорвать порочный круг, в который я сам себя загнал. А проводником ко всему этому был Том.

Фиктивный брак?

Ему конечно, видней, но тут явно попахивало абсурдом. Хотя, это даже лучше — никаких обязательств, никаких «давай попробуем», никаких разбитых сердец.

Чистая сделка. Он помогает ей, она — сама того не зная — помогает нам.

Выдернуть нас из бешеного ритма, и швырнуть в новую, более спокойную жизнь, где есть только Париж, знакомые места и полная свобода.

И Жизель…

Я отлепился от стены. Медленно, не сводя с неё глаз, пересёк комнату.

Каждый шаг отдавался в тишине студии.

Все замерли.

Даже Том, обычно контролирующий всё и вся, выглядел так, будто не до конца понимает, что сейчас произойдёт.

Я остановился вплотную к ней. Так близко, что снова почувствовал запах ирисок и кофе.

Она задрала голову, потому что иначе смотреть на меня не могла. В её глазах читалась целая гамма эмоций: растерянность, недоверие, готовность укусить, если понадобится. Но было там и то, что я заметил еще в прошлый раз: мимолетный страх.

Я медленно поднял руку и легонько щёлкнул её по кончику носа.

Она вздрогнула. Моргнула. И на секунду — всего на одну драгоценную секунду — стала похожа не на боевую фурию, а на обычную растерянную девчонку, которую жизнь закинула куда-то не туда.

Это будет очень интересное путешествие.

— Ну что, любимая невестка, — протянул я, глядя на неё сверху вниз и позволяя своей фирменной ухмылке расползтись по лицу. — Пора обменяться кольцами с моим братцем. И только попробуй его обидеть.

В комнате повисла такая звенящая тишина, что я, кажется, услышал, как у кого-то на диване ёкнуло сердце.

Ира открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Ты… — начала она, и я видел, как в её голове с бешеной скоростью вращаются шестерёнки, пытаясь осмыслить происходящее. — Вы сейчас серьёзно? — Она перевела взгляд на Тома.

— Абсолютно, — я сунул руки в карманы брюк и слегка покачался с пятки на носок. — Мы тут подумали: Париж, круассаны, ты в белом платье, он в роли несчастного жениха. Что может пойти не так?

— Похоже у меня нет выбора, — процедила она ледяным тоном.

— У Тома, кажется, тоже. Значит, у вас уже есть общие интересы. Отличный фундамент для брака, Ириска. Как считаешь?

Она смотрела на меня так, будто пыталась понять, в какой именно момент реальность дала трещину. Затем перевела взгляд на Тома, словно ища поддержки, но тот лишь пожал плечами с лицом: «Ну я согласен».

— Вы ненормальные. Том, ты действительно готов на это? — выдохнула она наконец.

— Ну, почему бы и не помочь.

— Да, — согласился я, поправляя воротник белой рубашки. — Но он ненормальный с французским паспортом и работающей схемой получения визы. Выбирай: либо он, либо сиди здесь и смотри, как твоя группа записывает альбом мечты без тебя.

Ира замолчала. Я видел, как она просчитывает варианты — и как ни одного, кроме предложенного, не находит. Это было написано на её лице: гордость борется с мечтой, и мечта, кажется, начинает побеждать с огромным преобладанием.

На диване Мауи тихо присвистнул и пробормотал:
— Вот это я понимаю, шоу…

Глава 4

Marilyn Manson — This Is the New Shit

Ира

Я стояла, глядя на дверь, за которой минуту назад скрылись эти двое — чёртовы близнецы, будь они неладны, — и пыталась переварить всё, что только что произошло. В голове стоял такой гул, словно я не полчаса вела переговоры, а отстояла трёхчасовой сет на разогреве у хедлайнеров.

Я? Замуж?

За брата этого напыщенного индюка с ухмылкой, от которой у меня сводит зубы, и манерами, от которых хотелось то ли расхохотаться, то ли запустить в него чем-нибудь тяжёлым. Желательно с острым краем. Да мы, практически станем родственниками, хоть и фиктивными.

Я медленно повернулась к диванам, где были парни, просидевшие весь разговор как мыши под веником, даже не пискнув в мою защиту.

Грёбаные предатели. Лучше бы у них были оправдания.

— Я вот только одного не могу понять, — я постучала пальцем по подбородку, переводя взгляд с одного на другого. — Почему вы, мои ненаглядные, вели себя так, будто в рот воды набрали? Зассали, что ли?

Джон — здоровая гора мышц и чернил, способный одной левой переломать рёбра любому, кто косо посмотрел бы в мою сторону, — вдруг стал размером с нашкодившего щенка. Он отвёл глаза и принялся изучать барабанную палочку с таким усердием, словно от неё зависела судьба человечества.

Мак, наш весельчак и вечно всем довольный красавчик, вообще уткнулся в свой блокнот и делал вид, что прямо сейчас сочиняет мелодию века.

А Димас… просто сидит в углу, сгорбившись над синтезатором, и, как и всегда, в конфликтах исчезал быстрее, чем утренний туман. Вот и сейчас — он старательно делал вид, что что-то настраивал, но я заметила, что синтезатор даже не был включён в розетку.

— Серьёзно? — я упёрла руки в бока. — Никто не хочет мне ничего сказать? Может, совет дать? Типа: «Ира, не делай этого» или «Ира, ты с ума сошла»? Нет? Ничего?

— Ну… — Джон прокашлялся, всё ещё не поднимая глаз. — Этот длинный… ну, Том который, он вроде нормальный, а вот его брат… он, конечно, та ещё заноза в заднице. Но в целом…

— Они оба длинные, если ты не заметил. Они близнецы, болван. Так что «в целом»? — как будто между прочим спросила я.

— В целом они не выглядят как убийцы или психи. Просто длинноволосый с паршивым характером. Вы, кстати, в этом с ним похожи.

Я задохнулась от возмущения.

— Мы?! Похожи?!

— Ну… — он беспомощно оглянулся на Максима в поисках поддержки, затем на Диму. Оба молчали.

Дима, не поднимая головы, тихо пробормотал что-то неразборчивое. Кажется, это было «извини». За что именно он извинялся — за то, что не вступился, или за то, что вообще существовал в этой неловкой ситуации, — я так и не поняла.

Я резко выдохнула и отвернулась, скрестив руки на груди.

Злость — это привычное состояние. Злость я понимала и умела с ней работать. Гораздо хуже было то, что пряталось под ней. То, что медленно и леденяще поднималось внутри.

Страх.

Я боялась. Не близнецов, ни даже французскую бюрократию.

Я боялась подвести этих трёх идиотов, которые последние несколько лет спали по четыре часа в сутки, чтобы довести нашу группу до ума. Которые вложили в этот проект каждую заработанную копейку и каждую свободную минуту.

Джон, который продал свою коллекцию винила, чтобы мы могли оплатить эту студию.

Мак, который бросил все свое очарование на различные подработки по типу ночного администратора в отеле с щедрыми гостями.

Дима, у которого богатенькие родители, а он большую часть своих средств отдавал в общий котёл на запись.

Они поверили в меня тогда, когда я сама в себя не верила.

Тогда, когда, кажется, я могла сломаться по-настоящему и никогда больше не выйти на сцену. Или чего еще хуже.

Да, у нас был общий заработок с концертов и стрим-площадок, но лично мои средства все уходили на группу, помощь маме и аренду своей квартиры-студии, ибо если бы я осталась жить с мамой после всего, то рехнулась бы от ее чрезмерной опеки. Я люблю ее и вижусь почти каждый день, но после случая много лет назад она стала чрезмерно впечатлительной и я бы просто задохнулась от ее заботы.

Поэтому за душой я имела лишь копейки на карманные расходы.

Париж был не просто шансом. Париж был вершиной горы, на которую мы карабкались, сбивая пальцы в кровь. И когда нас наконец заметили, когда лейбл прислал письмо, которое я перечитала раз двадцать, не веря своим глазам, я поклялась себе, что сделаю всё. Всё, что потребуется. Мы зашли слишком далеко, чтобы отступить сейчас из-за какой-то дурацкой бумажки с печатью.

И вот цена. Не деньги и не связи. Даже не унизительная просьба о помощи.

Замужество.

С человеком, которого я едва знала. И вдогонку, придется путаться с его братом, который щелкает меня по носу, как какую-то школьницу.

А на что ты надеялась, Ира, когда звонила Тому? Что он станет заниматься благотворительностью?

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Потом второй.

Перед глазами встала картинка: студия в Париже, о которой мы мечтали.

Пульт, за который сел настоящий профи. Звук, который наконец будет таким, каким мы его слышим в своих головах. Концерты и, наконец-то, мои парни.

Их лица, когда они впервые услышат наши треки в профессиональной студии.

И мама. В своём доме, наслаждающаяся жизнью на берегу реки.

Ради этого можно потерпеть.

Ради этого можно выйти замуж. Пусть даже за едва знакомого французешку.

Я открыла глаза и повернулась к парням. Они смотрели на меня — уже без притворного интереса к палочкам, блокнотам и выключенному синтезатору.

— Значит так, — сказала я, и мой голос прозвучал гораздо спокойнее, чем я ожидала. — Вы трое сейчас встаёте и идёте паковать чемоданы. Потому что скоро мы летим в Париж.

Джон моргнул.

— То есть ты… согласна?

— А у меня есть выбор? — я горько усмехнулась. — Не подводить же вас, придурков.

Дима наконец поднял голову и тихо спросил:

— Ира… ты точно этого хочешь?

Я не ответила. Не потому что не знала ответа.

Я этого не хотела, но мне нужно было пройти через этот фарс, чтобы мы вчетвером оказались в той парижской студии. Чтобы все наши мечты сбылись.

Ведь этот брак — всего лишь бумажка.

Правда ведь?

***

— Напомни мне, почему я это делаю?

— Потому что мы полетим в Париж и…

— Это был риторический вопрос, Джон.

Я сжала переносицу с такой силой, что перед глазами заплясали белые точки.

Может, если надавить как следует, я просто отключусь и пропущу весь этот сюр? Соблазнительная мысль. Крайне соблазнительная.

Когда Тим позвонил вчера вечером, я как раз дописывала аранжировку для третьего трека и почти убедила себя, что вся эта история с замужеством — просто дурной сон. Переутомление. Галлюцинация на фоне недосыпа.

Но нет. Его голос в трубке — до отвращения бодрый и самодовольный — развеял все иллюзии.

«— Раз у вас с Томом будет свадьба, Ириска, то её непременно надо сделать красивой. Хотя бы для вида. И для праздника души, разумеется. Все согласовано. Завтра в одиннадцать. Адрес скину сообщением. Не опаздывай, терпеть не могу ждать».

Я тогда хотела спросить — зачем? Зачем весь этот цирк с платьями, если брак будет существовать только на бумаге? Но он уже повесил трубку. А когда я перезвонила — сбросил и написал вдогонку: «Выбора у тебя нет, помнишь?» — с дурацким подмигивающим смайликом.

Смайлик! Он прислал мне! Чёртов смайлик!

Я чуть не разбила телефон о стену.

Потом пришло сообщение от Тома:

«Ира, пожалуйста, сделай как Тим просит. Считай, это некой платой за мою помощь».

Еще ничего не началось, а эти братья Дюран уже стояли поперек горла.

И вот теперь, я стояла напротив витрины свадебного салона и чувствовала, как земля медленно уходила из-под ног.

Это было одно из тех мест, куда я никогда бы не зашла по собственной воле. Даже если бы у меня были деньги и я выходила замуж по любви. Даже если бы мир перевернулся вверх тормашками.

Огромные окна, приглушённый золотистый свет, манекены в облаках белого шёлка и кружева — всё это напоминало декорацию к сопливому фильму.

Слишком дорого.

Слишком красиво.

Ну слишком не про меня.

Джон топтался рядом, засунув руки в карманы джинсов, и всем своим видом напоминал медведя, которого привели на выставку фарфора.

Он боялся лишний раз вздохнуть, не то что слово сказать.

Он знал, что я на взводе, и что от одного неосторожного слова я вспыхну как спичка. И за это молчание я была ему благодарна.

Я решила притащить с собой Джона не из жажды компании.

О нет.

Просто из чистой вредности. Не мне же одной мучиться в этом балагане. Если эти два француза решили устроить спектакль, то пусть у него будет зритель.

— Ладно, — выдохнула я, опуская руку от переносицы. — Чем быстрее зайдём, тем быстрее выйдем. Пошли.

Джон кивнул и открыл дверь. Я стиснула зубы и шагнула внутрь.

Салон был именно таким, каким я его себе представляла и успела разглядеть с улицы.

Высокие потолки, хрустальные люстры, мягкий кремовый ковёр, в котором мои ботинки на плоской платформе утопали почти полностью. Вдоль стен тянулись ряды вешалок с платьями, каждое из которых, казалось, стоило больше, чем всё оборудование нашей студии.

В углу — огромное зеркало в позолоченной раме, такое высокое, что в нём можно было увидеть себя в полный рост и весь салон в придачу.

А посреди всего этого великолепия, вальяжно развалившись в светлом бархатном кресле, сидел Тим. В безупречно сидящем черном пиджаке, черных джинсах, с ленивой ухмылкой на лице и бокалом шампанского в руке. Рядом с ним суетилась консультант — женщина средних лет с приклеенной улыбкой и глазами, полными обожания. Видимо, он уже успел её очаровать. Наверняка отпустил пару комплиментов на французском. Наверняка она уже считала его самым милым клиентом за всю историю салона. Ох, знала бы она...

— А, Ириска! — он поднял бокал, приветствуя меня, как старую знакомую. — Пунктуальна. Уже плюс в твою пользу. И ты привела своего цербера. Какая прелесть.

— Я не цербер, — буркнул Джон, но тут же осёкся, когда Тим перевёл на него взгляд.

— Конечно, не цербер. Цербер хотя бы страшный. А ты — просто большой и лохматый. — Он сделал глоток шампанского и повернулся к Джону. — Спасибо, что сопроводил невесту. Можешь быть свободен.

— Что? — я шагнула вперёд. — Никуда он не уйдёт.

— Уйдёт. — Тим поднялся из кресла. Медленно, с грацией хищника, который только что заметил добычу и наклонился, чтобы поставить бокал. — Потому что, видишь ли, Ира, если ты хочешь спокойно записывать свой альбом в Париже, тебе нужно привыкать к моему брату и ко мне без группы поддержки.

Он подошёл ближе, чем мне бы того хотелось. От него пахло едва уловимым приятным одеколоном. Это раздражало ещё сильнее.

— Или ты думаешь, что никакой проверки в Париже не будет? — продолжил он тише, но от этого его слова прозвучали только весомее. — Что вы просто поставите подписи, и вас оставят в покое? Как бы не так. Французские иммиграционные службы обожают внезапные визиты. Они могут заявиться без предупреждения — проверить, спите ли вы в одной постели, знаете ли привычки друг друга, как зовут соседскую кошку и какого цвета зубные щётки, — он остановился в шаге от меня, глядя сверху вниз, — ты готова к тому, что однажды утром в дверь позвонят, а ты даже не сможешь ответить, какой Том пьет кофе? Потому что вы ни разу не завтракали вместе. Потому что ты от каждого чиха бегала прятаться за спины своих парней.

Ну знаешь ли.

В горле застыл ком размером с кулак. Я ненавидела его за этот тон, за эту ухмылку, за то, как легко он разбивал аргументы в моей голове, даже не прикладывая усилий. Но больше всего я ненавидела то, что он был прав.

— Мы не будем жить вместе, — выдавила я наконец. — Том сам сказал. Бумажки — и разбежались.

— Бумажки — и разбежались, если повезёт, — он склонил голову набок. — А если не повезёт — вам придётся играть счастливую пару. И чем раньше ты начнёшь репетировать, тем меньше шансов, что вас раскроют. Плюс ко всему, тебе надо будет где-то жить. Так что, — он кивнул на дверь за моей спиной, — Джон сейчас уходит. А ты остаёшься. И мы начинаем.

Я стояла, сжимая и разжимая кулаки, и считала про себя до десяти. На восьми поняла, что не помогает. На пятнадцати — что хочется всё-таки запустить в него вон той хрустальной вазой со стойки администратора.

Хмм…выглядит достаточно увесистой.

Джон переминался с ноги на ногу. Я видела, как он разрывался между желанием остаться и осознанием того, что этот напыщенный хлыщ только что привёл аргументы, против которых у меня не нашлось возражений. Французская бюрократия. Внезапные проверки.

Какого хрена? Надо будет узнать об этом.

Иммиграционные службы.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

— Джон, — сказала я, не оборачиваясь. — Иди.

— Но Ира…

— Иди, — повторила я твёрже. — Я справлюсь. Это всего лишь примерка платья. Не на эшафот же меня ведут.

Хотя, если честно, эшафот сейчас казался более привлекательной перспективой. Там хотя бы всё быстрей.

Джон помедлил ещё секунду, бросил на Тима взгляд, обещавший мучительную смерть при случае, и вышел. Дверной колокольчик звякнул, и я осталась один на один с человеком, которого скоро буду называть родственником, хоть и фальшивым. От этой мысли внутренне передёрнуло, и затылок покрылся мурашками.

— Вот и умница, — Тим вернулся в своё бархатное кресло и закинул ногу на ногу в дорогих черных кросах. — А теперь, может, приступим? Мадам, — он обратился к консультанту, которая всё это время талантливо делала вид, что происходящее её не касается, — невеста готова. Покажите нам что-нибудь… достойное.

Женщина оживилась и защебетала что-то про последнюю коллекцию. Я не слушала, а смотрела на Тима.

— Я не понимаю, почему этим занимаешься ты? И вообще, может, всё-таки обойдёмся без всего этого идиотизма? — спросила я, когда консультант отошла за платьями. — Весь этот цирк. Салон, платье, шампанское. Мы с Томом могли бы одеться по-простому. Есть же такие пары, которые не наряжаются.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Ухмылка на секунду сползла, обнажив что-то другое. Но оно исчезло так же быстро, как появилось.

— Во-первых, если уж вляпываться в историю, Ира, то делать это красиво и дорого. Или ты предпочитаешь дешёвый цирк? Нет уж. Если кто-то будет проверять — они должны увидеть нормальную свадьбу. С платьем, цветами и слезами умиления. А не два хмурых лица в спортивках, которые едва знают друг друга. А во-вторых, — он сделал глоток шампанского, — в консульстве понадобятся фотографии. — Он развёл руками. — А в-третьих, мы с Томом не будем ничего говорить нашим родителям по поводу фикции. Для них всё будет по-настоящему. Чем меньше людей знает — тем лучше для вашей легенды. Поэтому, будь добра, постарайся изобразить радость. Хотя бы на пару часов. И ради человека, который согласился тебе помочь.

Хренов манипулятор.

Я ничего не ответила. Просто стояла и переваривала услышанное. С каждым словом эта авантюра обрастала всё новыми деталями, и каждая из них была противнее предыдущей.

Консультант вернулась с сияющим, как начищенный самовар, лицом. За ней катила стойку с платьями шустрая ассистентка. Каждое платье было белее и пышнее другого. Ещё одна девушка тащила в руках целую охапку кружевных облаков, из которых торчали только её испуганные глаза. Всё это великолепие заняло половину зала.

— Вот! — провозгласила женщина, жестом фокусника обводя развешанные наряды. — Это наша последняя коллекция. Французское кружево, итальянский шёлк, ручная вышивка. Мы начнём с самого скромного и будем двигаться к самому роскошному. Прошу в примерочную, мадемуазель!

Я обвела взглядом все эти рюши, шлейфы и корсеты и почувствовала, как внутри поднималась волна непробиваемого сопротивления. *Нет. Только не это.*

— Ну уж нет, — отрезала я, отступая на шаг. — Я всё это не надену.

Консультант замерла. Ассистентка, та, что с охапкой, выглянула из-за кружев с выражением лёгкой паники.

— Но мадемуазель…

— Это всё красиво, — перебила я. — Правда. Но это всё не я. Я не похожа на принцессу, и мне не нужен шлейф длиной в мой рост. Если он хочет, чтобы я надела платье, — я ткнула пальцем в сторону Тима, — то такое, какое я сама выберу.

Тим, всё это время с интересом наблюдавший за сценой из своего бархатного кресла, медленно поставил бокал на столик.

— И какое же, позволь спросить? Платье гномьей принцессы? — спросил он с ленцой, но в голосе прозвучало искреннее любопытство, которое перешло в усмешку.

— Понятия не имею. Но точно не платье индюшки. Тебе стоит кстати, присмотреться. — Я стояла, испепеляя его довольную морду взглядом, но быстро взяла себя в руки и кивнула на стойку. — Скорее всего, оно будет на заказ.

В зале повисла тишина. Консультант открыла рот, чтобы возразить, но Тим поднял руку, и она тут же замолчала.

— Отлично, — сказал он, поднимаясь с кресла. — Значит, так и поступим.

Он повернулся к консультанту и её ассистенткам, и его голос приобрёл деловой оттенок, который, видимо, работал безотказно на любом языке.

— Дамы, вы слышали невесту. Сделайте всё, что она попросит. Любой материал, любой фасон, любой каприз — жених оплачивает. Вопросы есть? Вопросов нет. Я пошёл.

Он одёрнул пиджак и направился к выходу.

Я моргнула.

— Ты куда?

Тим обернулся, уже взявшись за ручку двери, и на его лице играла ухмылка, от которой у меня сводило скулы.

— Жениху не принято видеть невесту перед свадьбой. Плохая примета, Ириска. Неужели не знала? А я его брат-близнец. Я тоже считаюсь. И вообще, не хочу разочаровываться от визуала раньше времени.

Я закатила глаза и громко, демонстративно цыкнула, поворачиваясь к развешанным на стенах платьям. Звук получился особенно звонким в тишине салона. Консультант вздрогнула.

Он должен был уйти. Дверь была открыта. Помню, что он уже взялся за ручку.

Я услышала, как дверь закрылась.

Но.

Я не успела понять, что произошло. Просто, вдруг почувствовала, как воздух позади меня стал плотнее. Как по спине пробежало неожиданное и слишком близкое тепло. Я резко развернулась и упёрлась спиной в вешалки с платьями. Они качнулись, зашелестели шёлком и фатином, осыпая меня облаком кружев.

Тим стоял вплотную. Так близко, что я могла пересчитать его ресницы и увидеть каждую крапинку в его голубых глазах. Так близко, что его дыхание касалось моей щеки.

Черт, Ира, не смотри в глаза, не смотри…

Он наклонился, почти невесомо коснувшись губами моего уха, и тихо, так, что слышала только я, — произнёс:

— Никогда больше не цыкай в мою сторону, Ириска. Мне это очень не нравится.

Голос был низким. Глубоким. Совсем не таким, каким он разговаривал минуту назад — ленивым и насмешливым. Сейчас в нём не было ни капли шутки. Только холодная сталь.

— И не подставляй моего брата и будь паинькой, хоть это, я уверен, будет для тебя крайне сложно. — Он немного отстранился, смахнул пару платьев с моего плеча и посмотрел на с прищуром.

Смесь цитруса и чего-то яркого настигли меня как волной.

И этот голос. Что-то в нём было смутно знакомое, ускользающее, как мелодия, которую не можешь никак вспомнить. И сейчас, когда он шептал мне в самое ухо, пазл наконец сложился.

Мэрилин Мэнсон. Его голос звучал как у Мэрилина Мэнсона — когда тот не пел, а говорил. Тот же низкий, вибрирующий тембр. Та же манера растягивать слова, будто пробуя их на вкус. Та же пугающая, гипнотическая глубина. Сомнений не было. Я столько интервью пересмотрела с любимым певцом, но образ Тима настолько не вязался с образом короля индастриал-рока, что осознание пришло не сразу.

Вот чёрт.

Я замерла, вжатая в вешалки, и чувствовала, как сердце колотится как бешеное. От страха? От злости? Или от чего-то другого?

Он отстранился так же внезапно, как приблизился. Поправив пиджак, он одарил меня своей привычной ухмылкой, поддел мой нос согнутым указательным пальцем и вышел — на этот раз по-настоящему. Дверной колокольчик звякнул и его спина исчезла за дверью. В салоне повисла звенящая тишина, нарушаемая только тихим покачиванием потревоженных вешалок.

Консультант кашлянула.

— Мадемуазель?.. — её голос дрожал. — М-мы можем начинать?

Я медленно выдохнула и отлепилась от вешалок. Поправила свою футболку с надписью «Korn» и заправила за ухо выбившуюся фиолетовую прядь.

— Можем, — сказала я голосом, который, к моему собственному удивлению почти не дрожал. — Показывайте, что у вас есть. Только без рюшей. И вообще — дайте мне каталог. Я сама выберу.

Прости Том, но я не буду делать то, что приказывает этот напыщенный индюк.

Посмотрим, мистер Дюран-дюран, как ты отреагируешь на мой экспириенс.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.